В пятом выпуске серии «Наследие Полоцкой земли», выход в свет которого приурочен к 1140-летию г. Полоцка, напечатана работа известного ученого, археолога, доктора исторических наук Л.В. Алексеева.

На основе археологических данных, многочисленных письменных источников показаны основные этапы становления Полоцкого княжества, прослеживается его история в контексте взаимоотношений с соседними землями. Анализируются причины раннего обособления Полоцкой земли из ряда других древнерусских княжеств. Рассматриваются запутанные вопросы генеалогии полоцких князей и распределение уделов-волостей Полоцкой земли между ними.

Для всех, кто интересуется отечественной историей.

В серии «Наследие Полоцкой земли» изданы:

Выпуск 1

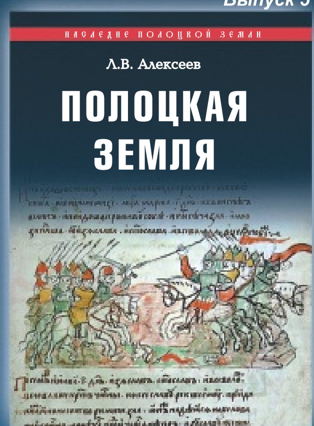

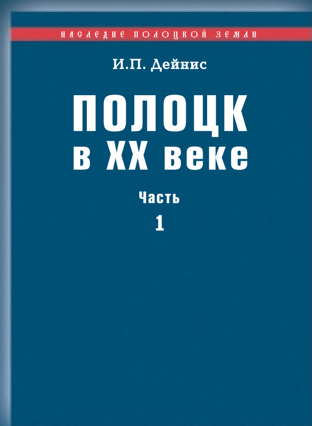
Выпуск 2

Выпуск 3

Выпуск 4

Выпуск 5

ISBN 978-985-6650-42-3

НАСЛЕДИЕ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

Л.В. Алексеев

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

НАСЛЕДИЕ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

Выпуск 5

Серия издается с октября 2004 года

Идея серии и финансирование
А.М. Супрановича, А.И. Судника

НАШИ ПАРТНЕРЫ

Шостак Олег Геннадьевич

ЧУП «Сысоева и К»

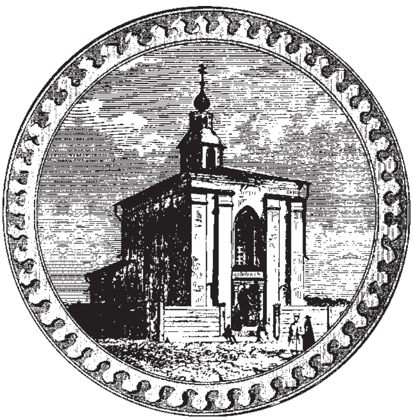
Хвеженко Олег Федорович

НАСЛЕДИЕ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ
Выпуск 5

Л.В. Алексеев

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Полоцк
Издатель А.И. Судник
2007

УДК 94(476.5-21Полоцк)
ББК 63.3(4Беи)
А47

Серия основана в 2004 году

Текст печатается по изданию:
Алексеев Л.В. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв.— М.: Наука, 1975.

Вступительная статья Л.Ф. Данько, А.И. Судника.

На первой странице обложки: миниатюра Радзивиловской летописи «Битва на Немиге».

На титульном листе: Борисоглебская церковь Полоцкого Борисоглебского монастыря. Фрагмент гравюры из книги: Белорусские древности, изданные А.М. Сементовским, Действительным членом Императорского Московского Археологического Общества. Выпуск первый с 106-ю изображениями разных предметов древностей в тексте и литографическим приложением. С.-Петербург, 1890 г.— С. 108. (Рис. 66).

Фронтиспис: портрет Л.В. Алексеева, выполненный фотохудожником Игорем Елисеевым, сентябрь 2005 г., Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь.

В издании использованы материалы из фондов Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника, личного архива Л.В. Алексеева, техническая съемка И.В. Елисеева.

Алексеев, Л.В.
А47 Полоцкая земля / Л.В. Алексеев ; вст. ст. Л.Ф. Данько, А.И. Судника.— Полоцк : А.И. Судник, 2007. — 50 с. : ил. — (Наследие Полоцкой земли ; вып. 5)

ISBN 978-985-6650-42-3

В пятом выпуске серии «Наследие Полоцкой земли», выход в свет которого приурочен к 1140-летию г. Полоцка, напечатана работа известного ученого, археолога, доктора исторических наук Л.В. Алексеева.

На основе археологических данных, многочисленных письменных источников показаны основные этапы становления Полоцкого княжества, прослеживается его история в контексте взаимоотношений с соседними землями. Анализируются причины раннего обособления Полоцкой земли из ряда других древнерусских княжеств. Рассматриваются запутанные вопросы генеалогии полоцких князей и распределение уделов-волостей Полоцкой земли между ними.

Для всех, кто интересуется отечественной историей.

УДК 94(476.5-21Полоцк)
ББК 63.3(4Беи)

ISBN 978-985-6650-42-3

ОТ РЕДАКЦИИ

Помещенная в настоящем, пятом, выпуске серии «Наследие Полоцкой земли» работа известного российского ученого, доктора исторических наук Л.В. Алексеева «Полоцкая земля», впервые была напечатана в 1975 году в сборнике «Древнерусские княжества» и является логическим продолжением его монографии «Полоцкая земля. (Очерки истории Северной Белоруссии IX–XIII вв.)», опубликованной в Москве в 1966 году *. Эти, теперь уже классические, очерки стали первым обобщающим трудом, который на основе накопившегося археологического материала, различных письменных источников дал научную картину истории Полоцких земель периода раннего средневековья.

Итак, прошло уже более тридцати лет со дня выхода в свет сборника «Древнерусские княжества». Не потеряла ли работа своей научной ценности? Ведь наука не стоит на месте: появляются новые интересные археологические находки, исследователи начали активно использовать в работе письменные источники не только из архивов бывшего СССР, но и хранилищ Восточной и Западной Европы, рухнули идеологические барьеры, сдерживавшие развитие исторической мысли, выросло совершенно новое по духу поколение исследователей... Но в том-то и дело, что выводы, к которым пришел Л.В. Алексеев в *то* время, на основе фактического материала *того* времени, на наш взгляд остаются актуальными до сих пор.

Приступая к подготовке настоящего издания, мы опасались, что вышеназванные работы: «Полоцкая земля. (Очерки...)» 1966 года и «Полоцкая земля» 1975 года из сборника «Древнерусские княжества», окажутся связаны между собой настолько, что без первой неподготовленному читателю не будет до конца понятна и вторая. Ведь, как пишет сам Л.В. Алексеев: «...настоящая работа развивает и углубляет выводы этого (т.е. «Полоцкая земля. (Очерки...)».– *Примеч. ред.*) исследования...» В то же время, обе публикации давно стали библиографической редкостью, что еще более осложняет ситуацию. Но в процессе редакционно-издательской обработки текста нам стало ясно, что все затруднения можно устранить одним способом – расширенной подачей материала. Дело в том, что тогда, в 1975 году, «Полоцкая земля» была проиллюстрирована только двумя картами. И всё... Между тем, по ходу изложения автор часто апеллирует к своей работе 1966 года, которая была хорошо оснащена картами, схемами, фотографиями и прорисовками археологических находок. Поэтому мы, с согласия Леонида Васильевича, дополнили издаваемую работу рядом иллюстраций, необходимость которых обусловлена ее содержанием, некоторые заменили на более информативные. Так, мы посчитали целесообразным заменить карту «Курганы Северной Белоруссии IX–XII вв.» на схему «Поселения и погребения раннефеодального времени в Северной Белоруссии» из «Полоцкой земли. (Очерки...)» с подробной экспликацией. Вместо «Схемы скоплений поселений Полоцкой земли» поставлена схема «Волости-уделы Полоцкой земли», так же позаимствованная из «Полоцкой земли. (Очерки...), на которой, помимо собственно скоплений населенных мест, отмечены современные и древние лесные массивы, границы волостей-уделов Полоцкой земли, что, несомненно, поможет лучшему пониманию авторских идей.

В первоначальной публикации не было схем: «Границы археологических культур в Белоруссии» и «Коалиционный поход русских князей на Полоцкую землю 1127 г.», которые взяты из все той же

* Здесь и далее – «Полоцкая земля. (Очерки...)».– *Примеч. ред.*

«Полоцкой земли. (Очерки...)». Карта-схема «Клады и отдельные находки арабских монет IX – нач. XI в.» переснята из новой монографии Л.В. Алексеева «Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры» (М., 2006 г.).

Несколько доработан и ссылочный аппарат издания: введен список сокращений, ссылки на источники дополнены и переработаны в соответствии с современными названиями архивных и научно-исследовательских учреждений. Добавлено несколько примечаний от редакции, которые помечены знаком «*».

В качестве дополнительного материала в книгу вошел не публиковавшийся ранее биографический очерк «Леонид Васильевич Алексеев», написанный кандидатом исторических наук В.П. Богдановым, младшим научным сотрудником археографической лаборатории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Этот материал познакомит читателя с основными вехами жизненного и научного пути известного историка-археолога.

Завершает настоящее издание наиболее полный на сегодняшний день перечень опубликованных работ Л.В. Алексеева.

Редакционный совет серии выражает глубокую признательность мэру города Полоцка В.С. Точило и его первому заместителю С.Г. Куксову за поддержку серии «Наследие Полоцкой земли», пробуждающей интерес к истории города, способствующей его возрождению как культурно-исторического и туристического центра. Мы благодарим директора Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника Глазырина Е.В., а так же сотрудников: Джумантаеву Т.А., Водневу И.П., Лугину Н.Г., Песину И.Е., Сергеенко Н.О., Шумович Е.В. за предоставленные материалы и научно-методическую помощь; начальника Полоцкого МРО «Витебскоблсоюзпечать» Е.И. Горячева за помощь в реализации проекта.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия. М.
БД – Белорусские древности. Мн.
БС – Беларускія старажытнасці. Мн.
ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн.
ЗРАО – Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. СПб.
КСИА – Краткие сообщения института археологии.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НПИКМЗ – Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник.
НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.
ОАБ – Очерки по археологии Белоруссии. Мн.
ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии за 1893 год. СПб., 1895.
ПВЛ – Повесть временных лет. М.-Л., 1950.
ПГКБ – Помнікі гісторыі і культуры Беларусі.
ПОКЭ – Прибалтийская объединенная комплексная экспедиция.
Працы II – Запіскі аддзелу гуманітарных навук Беларускай Акадэміі навук. Кн. II. Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. Мн., 1930.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РА – Российская археология.
СА – Советская археология.

Алексеев Л. В.
доктор исторических наук

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Меч каролингского типа (X в.), найден в Полоцке на месте курганного могильника в 1956 г., при строительстве завода стекловолокна. Вес 1,26 кг, длина 0,97 м. Клеймо Ulfberht. НПИКМЗ

ПОЛОЦКАЯ земля — одно из интереснейших раннефеодальных княжеств древней Руси. Она первая выделилась из состава Киевской Руси, в ней, следовательно, впервые проявились те центробежные силы, которые через несколько десятилетий повсеместно ознаменовали новую эру в истории Руси — эпоху феодальной раздробленности.

Интерес к истории Полоцкой земли возник сравнительно рано. Еще в 1819 г. естествоиспытатель И.А. Гарижский[1], сопровождавший молодого П.И. Кеппена, ревизовавшего почтовые станции Белоруссии, сделал своей целью написание истории Полоцкой земли[2]. К сожалению, неизвестно, была ли такая книга им написана, но в печати она не появилась. Позднее Полоцкой землей заинтересовался известный издатель и ученый К.А. Говорский, который в 1853 г. написал довольно объемистый труд «История Полоцкой епархии», также не увидевший света, но наиболее интересные части его были изданы автором в «Витебских губернских ведомостях»[3]. Несколько позднее работал третий исследователь истории Полоцкой земли: в 1879 г.

---

[1] См. его работы и переводы из А.Х. Лерберга и Гумбольдта в «Соревнователе просвещения и благотворения» (ч. 3, 1818. С. 180—203, 288—309; ч. 4, 1818. С. 96—125 и др.).

[2] *Кеппен П. И.* Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии, собранным и объясненным Петром Кеппенем. М., 1822. С. 128; Дневник путешествия исследователей // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, ф. 30 (фонд П.И. Кеппена), оп. 1, д. 131 и 136.

[3] Помимо опубликованного мной перечня этих отрывков (*Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М., 1966. С. 8, прим. 6) укажем дополнительно: *Говорский К.А.* Взгляд на состояние униатской церкви во времена возвращения России Белоруссии // Витебские губернские ведомости, 1858, № 40—42; *он же.* Иосафат Кунцевич — полоцкий униатский епископ // Там же, 1858, № 45; *он же.* Исторические сведения о Витебском Марковом монастыре // Там же, 1858, № 20. Рукопись К. А. Говорского «История Полоцкой епархии», посланная им в Петербург для «высочайшего воззрения» (в чем ему было отказано), обнаружена мной в Российском государственном историческом архиве. (ф. 834, оп. 2, д. 1759).

известный этнограф А.Ельский узнал о смерти кобринского ученого-монаха Матвея Бродовича, архив которого распродавался на пуды. Зная, что М. Бродович всю жизнь посвятил изучению истории Полоцкой земли, А. Ельский поспешил в Кобрин, но опоздал, и весь архив Бродовича был продан на макулатуру[4].

Первые опубликованные исследования по истории интересующего нас княжества появились лишь в 90-х годах XIX века. М.В. Довнар-Запольским и В.Е. Данилевичем были написаны две книги, однако обе они базировались только на летописных данных и представляли собой в основном лишь историю политических отношений полоцких князей[5]. В книге «Полоцкая земля» я пытался осветить историю этого государственного образования в разных аспектах[6]. Настоящая работа развивает и углубляет выводы этого исследования.

Термин «Полоцкая земля» принадлежит летописи, где встречается впервые под 1128 г.[7] «Земля», в понимании летописца,— совокупность уделов, экономически, политически и культурно связанных с Полоцком и административно ему подчиненных. Термины «Полоцко-Минская земля», «Полоцко-Минская Русь», получившие некоторое распространение в науке благодаря В.И. Пичете[8], рождены в кабинете и источниками не оправданы.

Что же собой представляла Северная Белоруссия, чем она привлекала к себе древнее население? Географически эта территория занимала Придвинскую низменность вплоть до Белорусской холмистой гряды, тянущейся в широтном направлении от Орши к Минску, и захватывала весь водораздел Западной Двины и Днепра в пределах современной Республики Беларусь. Основной водной артерией была Западная Двина, связывавшая этот край с востоком (через волоки) и с западом (через море). С северными и южными странами эту территорию связывали крупные реки — Березина, Друть, Ловать и в районе Орши — Днепр.

Крайне благоприятным обстоятельством для Полоцкой земли была близость верхнего Днепра (у Орши) и среднего течения Западной Двины (у Бешенковичей), что обеспечивало удобный транзит товаров, движущихся с Черного моря в Балтийское, и способствовало внутренней торговле. Помимо многочисленных рек этот регион изобиловал озерами, происхождение которых связывается с валдайским оледенением. Обилие в них рыбы было также заманчиво для новых насельников. Болот в Северной Белоруссии, по сравнению с южной, немного; большая часть их тянется вдоль верхнего течения Березины. Находимые в них болотные руды, наряду с озерными, играли, несомненно, важную роль в жизни населения, производившего из них железо сыродутным способом [9].

Почвы Северной Белоруссии входят в так называемый северный, или озерный, геоморфологический округ. Они возникли на древних девонских отложениях и характеризуются дерново-подзолистостью и сравнительно невысоким плодородием. Это суглинистые и супесчаные почвы (Браславский, Дуниловичский, Богушевский, Городокский районы), пылевато-суглинистые или

---

[4] Tygodnik powszehny, 1880, № 13. С. 202. Выписки из этого издания по моей просьбе любезно сделаны вильнюсским археологом В. В. Даугудисом.

[5] *Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891; *Данилевич В.Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896.

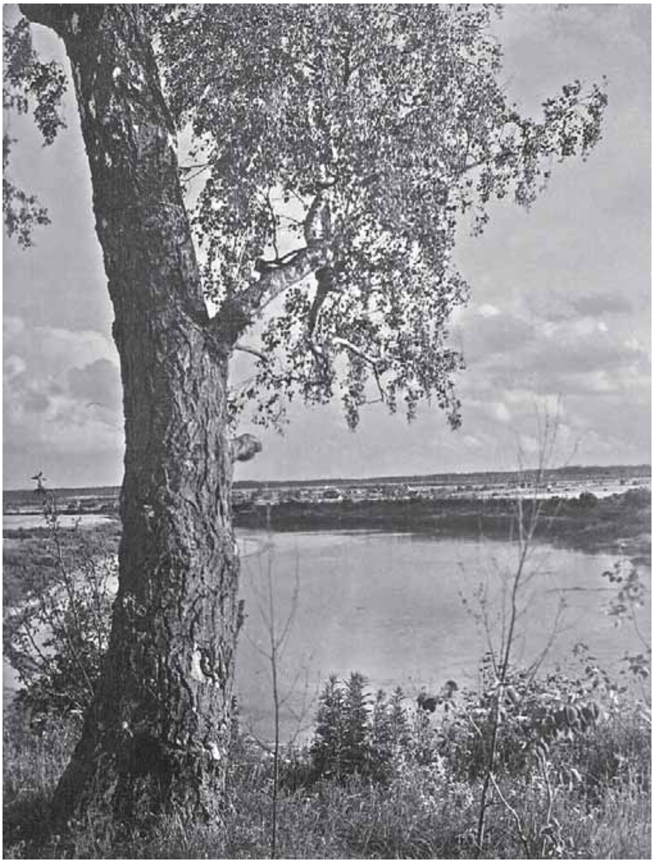
[6] *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...).

[7] ПСРЛ, т. I, изд. 2, вып. 2. Л., 1927. стб. 299.

[8] Очерки истории СССР в IX—XIII вв. М., 1953. С. 380—388.

[9] *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // МИА, М.-Л., № 35, 1953. С. 36—37.

глеево-пылевато-суглинистые (Витебско-Лиозненский и Дриссенско-Шарковщинский районы), пылевато-супесчаные (Полоцко-Суражский район) и, наконец, песчаные почвы (Лиснянско-Дретуньский район)[10]. Полезных ископаемых, доступных человеку, в древности в Северной Белоруссии было немного: кроме упомянутых болотно-озерных руд следует указать гончарные глины, известняки девонской системы, употребляемые для выжигания извести.

Вид на р. Западная Двина с городища Пирутино под Полоцком
Фото автора, 1951 г.

Климат Северной Белоруссии эпохи Киевской Руси (и более раннего времени) еще не изучен, хотя для этого теперь открылись дополнительные возможности благодаря дендрохронологии[11].

Растительность Полоцкой земли прежде всего характеризовалась (особенно в древности) обилием лесных массивов, непроходимых чащ, на что указывали многие авторы, начиная с путешественников XV в. На подзолистых почвах рос преимущественно смешанный лес: ель, береза, осина, белая ольха и др. На песчаных почвах смешанные леса перемежались сосновыми борами. Площадь же лугов в древности была небольшой и луговая флора, вероятно, была более бедной[12].

Животный мир, судя по остеологическому материалу раскопок, был в древности гораздо богаче современного. Об этом писали и путешествующие по Белоруссии иностранцы: в Литве (т.е. в Белоруссии.— *Л.А.*) «...диких зверей больше, чем во всем христианском мире,— писал в начале XVI в. Матвей Меховский.— Так как леса там большие, то во множестве попадаются и ловятся крупные звери: буйволы и лесные быки, которых они на своем языке зовут турами или зубрами, дикие ослы, лесные кони, олени, лани, газели, козы, кабаны, медведи, куницы, белки и другие породы зверей»[13]. Есть свиде-

---

[10] *Роговой П. П., Медведков А. Г.* и др. Почвы БССР, Мн., 1952. С. 233—238.

[11] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С.169.

[12] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб., 1905. С. 35—39.

[13] *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. С. 111.

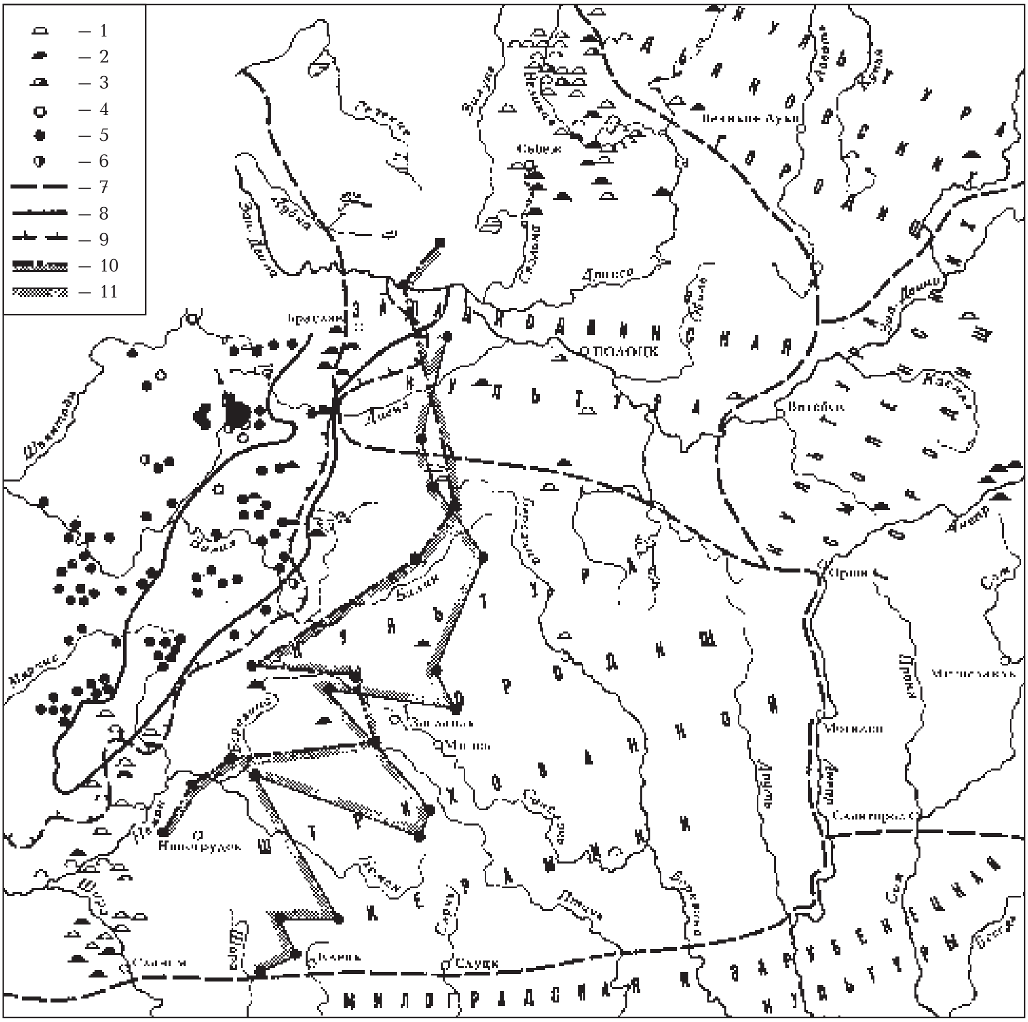

Схема 1. Границы археологических культур в Белоруссии

1 — длинные курганы; 2 — удлиненные курганы; 3 — длинные и удлиненные курганы, встречающиеся в одной группе.

Курганы восточнолитовского типа: 4 — с трупоположением; 5 — с трупосожжением; 6 — с трупоположением и трупосожжением вместе; 7 — границы культур; 8 — зона расселения белорусов-католиков, потомков обелорусенных литовцев (по М.Я. Гринблату); 9 — восточная граница топонимов с окончанием на -ишки; 10 — западная граница кривичей по топонимам «Кривичи»; 11— восточная граница литовских племен по топонимам «Литва».

тельства и более ранние (1499 г.)[14]. Белки и лисицы безусловно водились в районе Минска. Упоминаются различные породы диких зверей Белоруссии в XVI в. и в «Уставе на волоки 1557 г.»[15]. В лесах можно было встретить маленькую лошадь типа тарпана, кости которой из-

[14] Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I. СПб., 1846, № 165.

[15] Устав на волоки 1557г. // Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв. М., 1936. С. 55.

редка попадаются в археологических раскопках (Гродно, Браслав, в больших коллекциях Минска и Витебска не обнаружены[16]), что показывает, что в пищу они почти не употреблялись. Большинство перечисленных диких животных дожило до XIX в., когда они были полностью истреблены[17].

Как и кем была заселена Северная Белоруссия в первом тысячелетии н. э., что обусловило образование там самостоятельного передового (из вассальных по отношению к Киеву) княжества? Вопросы эти волновали исследователей уже давно, но ответить на них представляется возможным только теперь, с накоплением археологических и других данных.

Полоцк стоял при впадении р. Полоты в Западную Двину, поэтому территорию Полоцкого княжества следует искать в бассейне Западной Двины и в сопредельных землях. В конце первого тысячелетия до н. э. и начале новой эры территория эта была заселена древними балтами, оставившими в Центральной Белоруссии (до линии Орша — р. Усяж-Бук* — Докшицы — Дуниловичи — Поставы) городища культуры штрихованной керамики, а в бассейне Западной Двины — городища днепродвинской культуры, простирающейся и в Смоленщину[18].

Продвижение на север в область восточных «штриховиков» культуры типа Адаменки (видимо, вариант зарубинецкой культуры) в первых веках н.э. в восточной части Центральной Белоруссии дало симбиоз двух культур. В III—IV вв. эта смешанная культура определилась в новой культуре — так называемой культуре типа верхнего слоя Банцеровщины, или банцеровской культуре[19]. Культура эта, видимо, представляет древности огромного массива племен, распространившегося с середины первого тысячелетия н.э. почти по всей территории Белоруссии («банцеровская культура»), Смоленщины (т.е. культура «типа Тушемли») и уходит частично даже за ее пределы, на верхнюю Дисну.

Этническая принадлежность банцеровской культуры выяснена недостаточно. И.П. Русанова и В.В. Седов считали ее чисто балтской, А.Г. Митрофанов усматривал в ней балтскую основу, развившуюся под сильным воздействием славянских племен[20]. Локальные варианты этой банцеровско-тушемлинской культуры еще не изучены, но без сомнения они были. Не случайно кривичи, двигавшиеся в VII в. в Белоруссию с севера[21], в глубь страны проникли лишь в западной ее части (на верхний Неман)[22], а на остальной территории, как это видно по распространению длинных курганов, перейдя Западную Двину, дошли только до линии Капланы — Спицы (бывший Сенненский уезд), Фролковичи — Стаи (бывший Лепельский уезд)[23]. Линия эта со-

---

[16] Одна кость тарпана была обнаружена, по свидетельству В.И. Цалкина, при раскопках Браслава. См. также: *Щеглова В. В.* К вопросу о фауне Минского замчища // БД., 1967.

[17] *Сементовский А. М.* Беглый статистический обзор Витебской губернии // Памятная книжка Витебской губернии на 1881 г. Витебск, [1880]. С. 113.

* Усяж-Бук — сейчас р. Усвейка (ранее именовалась так же: Усвиж-Бук, Ольшанка).— *Примеч. ред.*

[18] *Митрофанов А. Г.* Памятники восточно-балтийских племен // ОАБ, ч. I. 1970. С. 184—224; *он же.* О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V—VIII вв.) // Беларускія старажытнасці. Мн., 1972. С. 160—163.

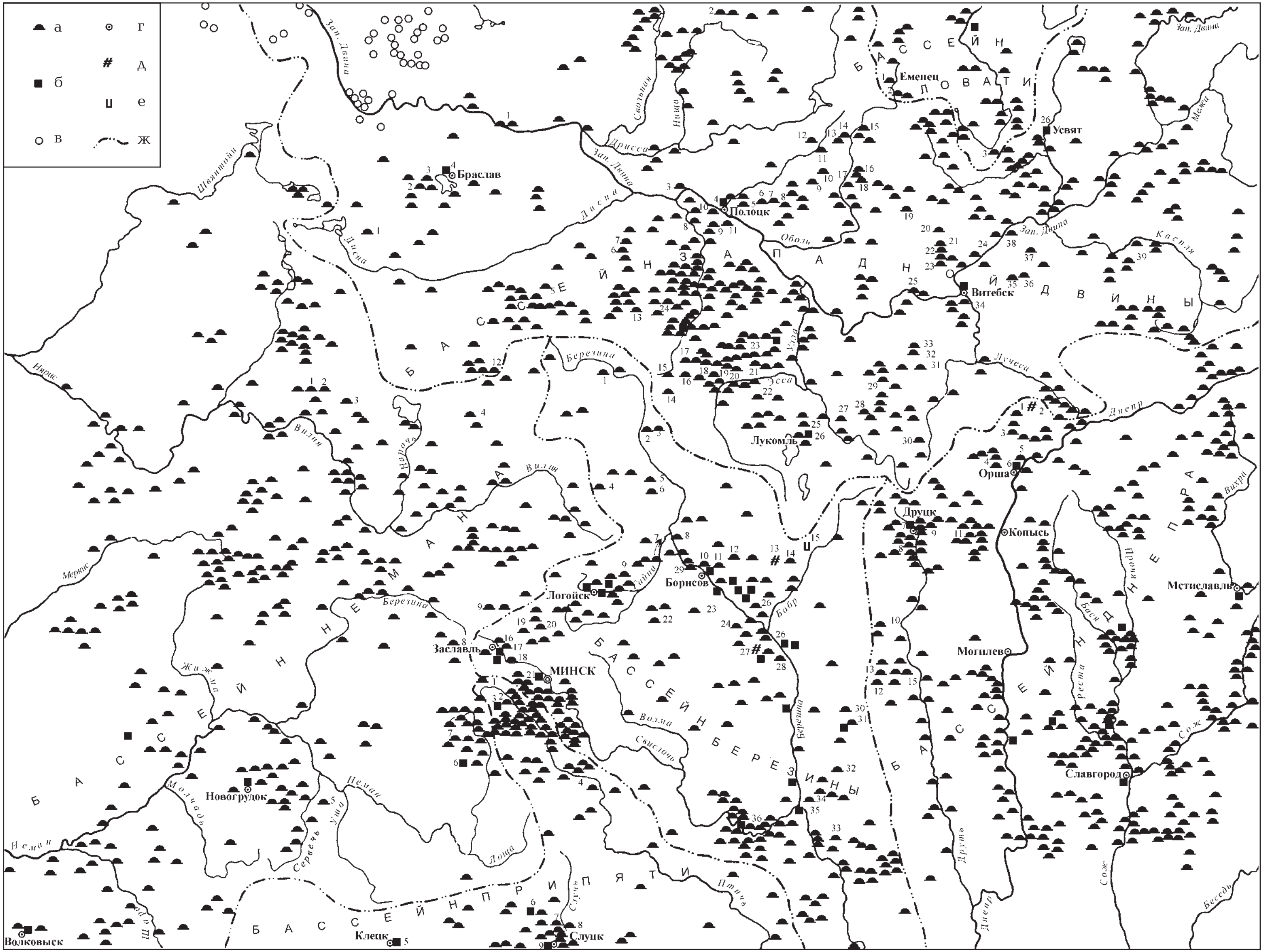
[19] *Митрофанов А.Г.* О происхождении... С. 155.

[20] *Русанова И.П.* О керамике раннесредневековых памятников верхнего и среднего Приднепровья // Славяне и Русь. М., 1968; *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970; *Митрофанов А. Г.* Памятники... С. 254.

[21] *Седов В.В.* Славяне... С. 92 и сл.

[22] *Гуревич Ф.Д.* О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР, вып. 72. М., 1958; *Седов В. В.* Славяне... С. 82.

[23] *Алексеев Л.В.* Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины // Труды ПОКЭ, т. I. М., 1959, карта.

а
б
в
г
д
е
ж
Бассейн Западной Двины
Бассейн Ловати
Бассейн Днепра
Бассейн Березины
Бассейн Немана
Бассейн Припяти
Браслав
Полоцк
Витебск
Емenец
Усвят
Лукомль
Орша
Друцк
Копысь
Мстиславль
Могилев
Славгород
Борисов
Логойск
Заславль
МИНСК
Новогрудок
Клецк
Слуцк
Волковыск
Зап. Двина
Дрисса
Сволъна
Нища
Дисна
Оболь
Каспля
Межа
Улла
Эсса
Лучеса
Днепр
Вихра
Проня
Бася
Реста
Сож
Беседь
Друть
Березина
Бобр
Гайна
Волма
Свислочь
Птичь
Случь
Лоша
Неман
Уша
Сервечь
Молчадь
Щара
Жижма
Вилия
Нарочь
Вилия
Мерюс
Нярис
Швянтойи

Схема 2. Поселения и погребения раннефеодального времени в Северной Белоруссии ◀

а — курганы; б — поселения; в — бескурганные могильники; г — современные города; д — остатки древних дорог; е — остатки древних колодцев; ж — границы бассейнов рек.

Памятники, обозначенные цифрами

Бассейн р. Ловати: *1 — Еменец; 2 — Буцнево; 3 — Межно.*

Бассейн Западной Двины, правый берег: *1 — Придруйск; 2 — Грудинино; 3 — Горовые; 4 — Полоцк; 5 — Минтурово; 6 — Струнь; 7 — Сморыги; 8 — Домники; 9 — Заборье; 10 — Жуковичи; 11 — Получье; 12 — Малое Ситно; 13 — Стряслицы; 14 — Авдеево; 15 — Белохвостово; 16 — Селище; 17 — Заречье; 18 — Осмот; 19 — Смольки; 20 — Боровая; 21 — Герасимове; 22 — Круглики; 23 — Горбуны; 24 — Каховка; 25 — Старое Село; 26 — Усвят.*

Левый берег: *1 — Рымшаны; 2 — Рацкий бор; 3 — Машули; 4 — Браслав; 5 — Уречье; 6 — Череневичи; 7 — Поддубники; 8 — Рудня; 9 — Глинище; 10 — Экимания; 11 — Бельчицы; 12 — Кисево; 13 — Шо; 14 — Осетище; 15 — Путилковичи; 16 — Августово; 17 — Пышно; 18 — Матюшина стена; 19 — Грошовка; 20 — Глыбочино; 21 — Княгинки; 22 — Черцы; 23 — Неколочь; 24 — Кубличи; 25 — Закурье; 26 — Лукомль; 27 — Овсянники; 28 — Вядец; 29 — Богдановское озеро; 30 — Рясно; 31 — Переволочня; 32 — Ходцы; 33 — Берешево; 34 — Лятохи; 35 — Рыбаки; 36 — Синяки; 37 — Яновичи; 38 — Казимирово; 39 — Ковали.*

Бассейн Немана: *1 — Будраны; 2 — Желядь; 3 — Черная лужа; 4 — Навры; 5 — Платове; 6 — Дзержинск (Койданово); 7 — Каменка; 8 — Кривичи; 9 — Радошковичи.*

Бассейн Березины: *1 — Поречье; 2 — Рожно-Доможерицы; 3 — Ствольно; 4 — Омнишево; 5 — Волок; 6 — Смоляры; 7 — Зембин; 8 — Халхолец; 9 — Мостище; 10 — Разуваевка; 11 — Борисов; 12 — Лошница; 13 — Нача; 14 — Крупки; 15 — Масалая; 16, 17 — Заславль; 18 — Заречье; 19 — Соломеречье; 20 — Видогощи; 21 — Петровщины; 22 — Точилише; 23 — Заречье; 24 — Полилеевка; 25 — Оздятичи; 26 — Мурава; 27 — Калужицы; 28 — Жуковка; 29 — Бол. Стахов; 30 — Мачески; 31 — Дулебы; 32 — Дулебни; 33 — Большая Ольса; 34 — Вирково; 35 — Свислочь; 36 — Орча-Вязье.*

Бассейн Днепра: *1 — Орехи; 2 — Брюхово; 3 — Высокое; 4 — Черкасово; 5 — Грязивец; 6 — Орша; 7 — Друцк; 8 — Суярковщина; 9 — Синчуки; 10 — Эсмоны; 11 — Дымово; 12 — Иглиница-Старина; 13 — Пустосело; 14 — Осовец; 15 — Прибар.*

Бассейн р. Припяти: *1 — Селище; 2, 3 — Строчицы; 4 — Гребень; 5 — Клецк; 6 — Греск; 7 — Городище; 8 — Прошицы; 9 — Слуцк.*

ответствует северной границе распространения ранее упомянутых городищ штрихованной керамики (Орша — Докшицы — Поставы).

Кривичи пришли сюда не ранее VII в., когда «штриховиков» уже не было и повсеместно распространилась в Белоруссии банцеровская культура. Все же кривичи остановились на линии границы «штриховиков»; видимо, за этой линией жили в их времена потомки «штриховиков», представлявшие собой локальный вариант банцеровской культуры, вариант, обусловленный его подосновой — культурой городищ штрихованной керамики, несколько отличавшейся от более северной Днепро-Двинской. Лишь отдельные роды кривичей (судя по тем же длинным курганам) проникли на верхнюю Березину[24].

Теперь надлежит выяснить, как распространилось в землях Северной Белоруссии население эпохи железного века, а затем кривичей, и какое значение имел характер заселения последних для формирования в дальнейшем Полоцкого княжества. Раньше этот вопрос не поднимался из-за отсутствия источников. Теперь в нашем распоряжении материалы археологии. В идеале нужна тотальная карта поселений и погребений времени железного века и раннего средневековья. Необходимость сплошных пеших обследований каждого квадратного километра изучаемой площади делает составление такой карты практически нереальным. При разработке вопроса мне пришлось идти упрощенным путем, составив карту курганов Полоцкой земли, оставив в стороне все прочие виды памятников, и попытаться на ее основе сделать историко-демографические выводы. Этот метод вполне правомерен, так как погребения балтов неизвестны, курганов

[24] *Чернягин Н.Г.* Длинные курганы и сопки // МИА, №6. М., 1941, карта.

бронзового века на территории Северной Белоруссии фактически нет и все захоронения этого рода, таким образом, отражают погребения славян с VII в. (длинные курганы) до X—XII вв. (круглые курганы). Каждая курганная группа в среднем соответствует одной древнерусской деревне домонгольского времени, а скопление этих групп дает примерную схему заселенности всего княжества в целом (см. схему 2).

Любопытно сравнить нашу карту северо-белорусских курганов с картой городищ той же территории, на которой больше всего обозначено, естественно, памятников так называемой городищенской эпохи — раннего железного века (балтские племена), куда частично входят и памятники славянского времени (те и другие не всегда могут быть разделены, и поэтому указываются все городища Северной Белоруссии). Выясняется, что предположение о малой заселенности Белоруссии до прихода славян полностью подтверждается: многие густозаселенные в домонгольское время территории в балтский период почти полностью пустовали. Это особенно ощутимо, например, в районах к югу от Минска, также в междуречье Гайны, Березины и Свислочи и т. д. (см. схему 2). Большая степень заселенности обнаруживается в землях, изобилующих водоемами, которые давали дополнительное питание рыбой и использовались населением издревле (например, земли к югу от Полоцка).

Карта северобелорусских курганов показывает, что славянское население распространилось на территории будущей Полоцкой земли не хаотически, а «амебообразными» сгустками — к юго-западу от Полоцка, в верховьях рек Свислочи и Птичи, Друти, по Гайне и Березине, в низовьях Свислочи, в междуречье Двины и Ловати и т.д. Для характеристики жизни домонгольского населения этих мест, для представления о степени разобщенности отдельных сгустков населения, о возможности общения между каждым из них, а также о направлении торговых коммуникаций в стране необходимо выяснить, что представляли не заселенные в древности участки, разделявшие скопления поселений. Болот в Северной Белоруссии сравнительно немного, поэтому всего вернее обратиться к истории белорусского леса. Древнейшая история русских лесов почти не изучена, и у исследователей существуют на этот счет более чем туманные представления[25].

Первые действительно большие порубки леса начались в середине первого тысячелетия н. э., в период перехода родовых коллективов к сельской общине, ухода населения с городищ на селища, с переходом от подсечно-огневого способа обработки почв к системе больших пашен. Именно тогда с ростом числа деревень, окруженных возделываемыми полями, началось массовое истребление лесов. Однако в XV—XVII вв. лесов в Белоруссии было еще много и часто в тех местах, где их теперь уже нет. «Из дошедших до нас свидетельств иностранцев, путешествующих в разные годы XVII в. в Литве, в том числе Мейерберга,— писал первый белорусский историк, лесовод по образованию, А. М. Сементовский,— мы убеждаемся, что местность, составляющая ныне Витебскую губернию, была покрыта почти сплошь массой лесов...» [26]

Об обилии лесов в Полоцкой земле XV—XVII вв. (и позднее) есть свидетельства иностранцев, которые следует дифференцировать. «Многочислен-

---

[25] *Цветков М.А.* Изменение лесистости европейской части России с конца XVII в. по 1914 год. М., 1957. С. 9. Критику этой книги см.: *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 71—72.

[26] *Сементовский А.М.* Описание Витебской губернии в лесном отношении // Труды Вольного экономического общества, т. III—IV. СПб., 1862. С. 17.

ные леса к северу от Западной Двины в районе крепости и озера Ница» видел в 1517 г. С. Герберштейн[27]. В 1563 г. Иван Грозный приказал двинуться к Полоцку и ... **всему воинству с собою имати** (запасы. — *Л. А.*) **довольно на всю зиму и до весны, занеже итти до Полоцка месты пустыми и непроходными**... и дорогу перед собой велел **чистисти**, и далее: ...**от Невля до Полоцка** (...) **дорога лесна и тесна**[28]. Через 16 лет Р. Генденштейн записал: «По направлению к Пскову и Лукам почти на сто миль простирались густые и непроходимые леса»[29]. Подобные же дремучие леса сохранялись к северу от Полоцка, судя по свидетельству современников, и до XIX в.: «По приближении к границам Себежа и Невеля путешественника встречают боры, наподобие туч нависшие на горизонте...»[30]. Эта же картина отмечалась и в районе Себежа[31]. Изобиловали лесами и западные окраины Полоцкой земли: «...я выехал в... 1413 г. из Динабурга (Даугавпилса — *Л.А.*) через огромные пущи,— писал французский путешественник Жильбер де Лануа,— и так непрерывно странствовал два дня и две ночи, не находя жилища...»[32].

Леса сохранялись до XIX в. как на северной окраине, так и на западных рубежах Полотчины, на границе с Литвой: «Наконец, я забрался к восточному краю Виленской губернии,— писал известный историк Белоруссии М.О. Коялович,— к востоку тут громадные леса (еще уцелевшие), за ними — Неман...»[33].

У южных окраин Полотчины отмечались большие леса: в 1564 г. королевские войска не допускали к Орше русских воевод, шедших от Полоцка, и напали на них, ...**царевы же и великого князя воеводы не токмо доспехи** [не] **успели на себя положити, но и полки стати не успели зане пришли места тесные и лесные**[34]. Бернгард Таннер, направлявшийся в Московию в 1678 г., еще ужасался обилию «страшных лесов» между Минском и Борисовом[35]. В «темный и громадный лес около Минска» «стремительно углубился» в 1812 г. Наполеон»[36]. На восточных окраинах Полоцкой земли существовали особенно мощные леса. В послемонгольское время там проходила граница Руси с Великим княжеством Литовским, которая усиленно поддерживалась русскими: «...не желая оставлять (завоеванную Велижскую область. — *Л.А.*) те, москвитяне,— пишет Р. Гейденштейн,— как это (они) делали в других местах, нарочно дали разрастись непроходимым лесам, ибо у них такой обычай, что они оставляют землю, соседнюю с неприятелем, на протяжении нескольких миль вполне невозделанной и необитаемой; частые же деревья, которые по необходимости вырастают на свободной почве, и густые леса затем образуют некоторого рода оплот против неприятеля, и они считают себя в безопасности от вражеских набегов...». «Сураж,— продолжает он далее,— находился как бы на самой опушке вышеупомянутого леса»[37].

Встречаются упоминания о лесах и внутри страны, но их немного. В 1654 г. шедший из Полоцка воевода П.И. Шуйский «... с войском своим выступил из

---

[27] *Герберштейн З.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 223.

[28] ПСРЛ, т. XXIX. М., 1965. С. 304.

[29] *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне. СПб., 1889. С. 62.

[30] *Барщевский Я.* Очерк Северной Белоруссии // Иллюстрация. СПб., 1846, № 10. С. 147.

[31] *Савва, архиепископ Тверской и Кашинский.* Хроника моей жизни, т. IV. Троице-Сергиева Лавра, 1902. С. 211.

[32] *Hedemann O.* Historja powiatu Braslawskiego. Wilno, 1930. С. 381.

[33] *Коялович А.О.* Поездка в середину Белоруссии // Церковный вестник, СПб., 1887, №3. С. 45.

[34] ПСРЛ, т. XIII. М., 1965. С. 377.

[35] *Таннер Бернгард.* Описание польского посольства в Москву в 1678 году. М., 1891. С. 25.

[36] *Сегюр Ф.-П.* Поход в Москву 1812 года. М., 1911. С. 175.

[37] *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне. С. 116.

лесу в поле, прилежащее к Улле,— писал в донесении королю воевода Радзивилл,— а я с другой стороны из Луковского леса вышел на ту же равнину...»[38] Основной массив лесов в Северной Белоруссии сохранился, как это отмечал В.Е. Данилевич, в долине р. Березины, откуда они распространяются на восток к Друти и на запад по р. Свислочи к верховьям неманской Березины. Но по мере приближения к Двине они редеют и на правом берегу Березины[39]. О причинах этого явления мы будем говорить ниже. Хищническое уничтожение лесов в Белоруссии началось, по-видимому, в XVIII в. и продолжалось до революции, что и изменило картину залесенности страны[40]. Уже Ф. Булгарин в 1835 г. отметил, что «...теперь леса начинают исчезать с лица земли, и в Белоруссии есть уже места безлесные (Мстиславльский уезд Могилевской губернии)»[41]. Наступление человека на лес до варварского его сведе́ния в XVIII—XIX вв. частично отразилось в наименовании современных населенных пунктов — Бор, Борок, Лесная и т. д., нанесение которых на археологическую карту эпохи Киевской Руси показывает, что большинство их располагается в тех местах, где нет (или почти нет) ни современных лесов, ни археологических памятников. Зоны с этими наименованиями окружают скопления курганов вокруг Минска, вокруг Полоцка, есть они к юго-востоку от Витебска и т. д. По-видимому, эти названия отражают не первоначальное наступление человека на лес, а тот его период, когда курганы уже не насыпались. Распространение лесных массивов домонгольской поры в сочетании с современными массивами дает наиболее полное представление о залесенности страны в древности (схема 3). Приведенные данные показывают, что часть территории Северной Белоруссии была издревле занята лесами, слабые рудименты которых сохранились до наших дней.

Перейдем к рассмотрению территорий, отнятых у леса славянами. Мы видим огромные скопления курганов к югу от Полоцка, в междуречье Западной Двины, Уллы, Дисны и верховьев Березины — в обширном крае, богатом рыбными угодьями и довольно густо населенном в предшествующую эпоху балтских аборигенов. Здесь есть и длинные курганы, древнейшие из которых (на самой границе с литовскими племенами, у д. Машули) датируются VII—VIII вв.[42] Эта группа славянских поселений является древнейшей в Полоцкой земле. К ней, по-видимому, примыкали поселения правобережной Двины, тянущиеся в районе Полоты к северо-востоку (см. схему 3)[43]. Условно всю эту группу можно назвать Полотско-Ушачской. Естественными границами ее на западе была Дисна, на юге — уже упоминавшийся лесной массив верховьев Березины, на севере — междуречье Дриссы и Полоты. Восточная граница не прослеживается столь безусловно, вероятно, она шла где-то по малозаселенным и, следовательно, занятым лесом местам междуречья Оболи и Овсянки, пересекая Западную Двину в районе между Старым Селом и Бешенковичами, а также р. Уллу, не-

[38] Витебская старина, т. IV / Сост. и изд. А.П. Сапунов. Витебск, 1885. С. 124.

[39] *Данилевич В.Е.* Очерк истории... С. 15.

[40] Об уничтожении лесов в Могилевщине см.: Полное собрание законов Российской Империи, т. XIX. СПб., 1830. С. 895; в Минщине — там же, т. XXIV. С. 608 и др.

[41] *Булгарин Ф.В.* Путевые заметки на поездку из Дерпта в Белоруссию и обратно весной 1835 года. Соч., т. III. СПб., 1836. С. 190. То же: *Булгарын Ф.* Выбранае.— Мн., 2003. (Беларускі кнігазбор). С. 193.

[42] *Седов В.В.* Славяне...

[43] В районе Рудни – Бездедовичи – Салатки исследования производились многими археологами (*Алексеев Л.В.* Археологические... Прим. 144). Южнее Полоцка вел раскопки Г.В. Штыхов, а также, насколько известно, и А. Г. Митрофанов (*Штыхов Г. В.* Раскопки курганов под Полоцком // Вопросы истории и археологии. Мн., 1966. С. 268—275).

Схема 3. Волости-уделы Полоцкой земли (реконструкция)

а — волости;

б — древние лесные массивы (реконструкция);

в — современные лесные массивы;

г — область длинных курганов Понеманья;

д — область литовских курганов;

е — примерная граница латгальских памятников

много ниже устья Эссы, и шла на юго-запад, вероятно, несколько южнее этой реки. В целом восточная граница Полотско-Ушачской группы поселений, по-видимому, совпадала с границей Полоцкого повета XVI в.[44]

Вторая группа поселений домонгольского времени концентрировалась к югу от Минска и условно может быть названа Минской. Древние деревни располагались здесь компактной массой на правом берегу в верховьях Свислочи, по всему течению Птичи, Уши, на западе немного не доходили до верховьев неманской Сулы, на севере почти не заходили за Минск, а на юге кончались севернее истоков р. Лоши (см. схему 3). Эту группу поселений с запада и востока ограждали безлюдные лесные территории междуречья Немана и его притока Березины, междуречье Лоши и Случи, все течение Волмы и среднее течение Свислочи. Судя по раскопкам (у деревень Рыловщины, Петровщины, Лошницы, Черниковщины — под Минском и у некоторых других), поселения в этой группе возникли не ранее XI в. и принадлежали дреговичам[45].

Можно отметить еще несколько групп поселений, хотя насыщенность деревнями в них была, по-видимому, меньшей. Они тянулись отчетливой полосой от современного Заславля через Логойск по левому берегу р. Гайны к ее устью, а затем по левому берегу Березины до устья р. Бобр, где переходили на правую сторону Березины. Раскопки курганов (у деревень Кленики, Логойск, Мурава[46] и др.) показали, что поселения здесь возникли не ранее XI в. и в районе Гайны, на Березине у Борисова принадлежали кривичам, а южнее (Мурава и др.) — дреговичам. Помимо этой Гайно-Березинской группы поселений можно наметить Друцкую группу в верховьях Друти. Здесь обнаружены курганы с трупосожжениями и трупоположениями, начиная с конца X в. (деревни Загородье[47], Синчуки[48], Арава[49]). Группа эта окружена была пустыми пространствами, по-видимому залесенными со всех сторон, кроме северо-запада, где древние деревни продолжались в район рек Усяж-Бук и Оболянки. Здесь Друцкая группа древних поселений соединялась с Лукомльской группой, расположенной к востоку и северо-западу от Лукомльского озера. Лукомльская группа не была столь интенсивно заселенной, как расположенные рядом Полоцкая и Друцкая. Раскопки курганов показали, что славянские поселения возникли здесь довольно рано и во всяком случае в VIII—IX вв. уже существовали. Там встречаются длинные курганы (например, д. Спицы[50]), курга-

---

[44] *Оглоблин Н.Н.* Объяснительная записка к карте Полоцкого повета второй половины XVI в // Сборник Археологического института, кн. 4. СПб., 1880.

[45] *Сербаў І.А.* Археолёгічныя раскопкі ў аколіцах Менску ў 1925 годзе // Гістарычна-археолёгічны зборнік. Менск, 1927; *Спицын А.А.* Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Минская губерния // ЗРАО, т. XI. вып. 1, 2. 1899. С. 289—294; *Завитневич В.Е.* О курганах Минской губернии // Календарь северо-западного края на 1890 год. М., 1890. С. 11. Исключением являются лишь две курганные группы в районе Койданова под Минском (ныне Дзержинск): курганы у деревень Каменка и Новосады. Подробнее об этом см.: *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (Очерки...). С. 37.

[46] *Завитневич В.Е.* О курганах... С. 11; Архив Института истории материальной культуры. М., 1889. Ф. 1, д. 20, л. 11; Российский Исторический музей. Указатель памятников. М., 1893. С. 132—135; Участие минского губернского статистического комитета на Московской Антропологической выставке // Минские губернские ведомости, 1879, № 22—25.

[47] *Романов Е.Р.* Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г. // Древности. Труды Московского археологического общества, т. XIII, вып. 1. М., 1900. С. 144—146.

[48] *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С.42—43.

[49] *Алексеев Л.А., Сергеева З.М.* Раскопки курганов в Восточной Белоруссии // КСИА, вып. 135. М., 1973. С. 51—53.

[50] *Романов Е.Р.* О курганных раскопках в Сенненском уезде Могилевской губернии // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 49. вып. 5. М., 1890. С. 602—603.

ны с трупосожжением в лепных и гончарных урнах (Вядец[51], Черцы[52], датирующиеся не позднее X в.), курганы с трупоположением X в. (например, у д. Вядец, где при трупоположении был найден саманидский диргем 914 г.[53]).

Помимо названных групп поселений в пределах Полоцкой земли можно выделить еще две группы их скоплений: в районе Орши — междуречье р. Адров и верховьев Лучесы, а также в районе Нижнего течения р. Свислочи. Поселения Оршанской группы начали возникать не позднее IX в. Во всяком случае здесь встречаются длинные и удлиненные курганы (с. Ново-Тухино[54], урочище Змеинки[55] и др.). Известны здесь и трупосожжения в круглых курганах (например, Грязивец[56]).

В заключение выделим еще одну группу поселений, располагавшуюся в нижнем течении р. Свислочи. Кривичи проникали сюда эпизодически уже в IX в. и оставили единственную группу длинных курганов у д. Орча-Вязье[57]. Но это было, по-видимому, единичное явление — всего один поселок, жители которого спустились сюда по Березине. Все остальные курганы здесь датируются не ранее XI в. и все содержат трупоположения.[58] Свислочская группа оставлена дреговичами.

Итак, приведенные данные показывают, что территория позднейшей Полоцкой земли начала заселяться славянами (кривичами главным образом) в VII—VIII вв. Первоначально это население распространилось в озерном крае левобережной Западной Двины, а также к югу и к юго-западу от устья р. Полоты, ассимилируя балтских аборигенов и почти не проникая на территорию центральной части современной Белоруссии (исключение составляют, как мы видели, два поселка с длинными курганами на Березине). В X в. (а вероятно, уже в конце IX в.) славяне-кривичи проникли и в центральные районы Белоруссии, ассимилируя балтов и здесь (былых носителей культуры городищ штрихованной керамики, а тогда уже носителей, как мы говорили, так называемой банцеровской культуры).

Распространение славян в это время хорошо прослеживается по более ранним погребениям X в.— сожжениям с лепными урнами и по более поздним — сожжениям с гончарными урнами тоже X в. Ранние погребения встречаются только к югу и юго-западу от Полоцка и в верховьях Березины, а более поздние погребения — на остальной территории (например, в верховьях Друти). В XI в. это стихийное продвижение кривичей на юг прекратилось: они вошли в соприкосновение с дреговичами, заселившими земли к югу от Минска, Борисова и Друцка. Что собой представляло на том этапе славянское население этих мест, мы не знаем. Несомненно только, что соседская община находилась у них в стадии последнего разложения. Курганные захоронения свидетельствуют о значительной имущественной дифференциации.

---

[51] ОАК. С. 11.

[52] См.: Труды I Археологического съезда. М., 1871. С. XXXVIII.

[53] ОАК. С. 11.

[54] Известия Археологической комиссии, вып. 5. СПб., 1903. С. 48; *Тараканова С.А.* Длинные и удлиненные курганы // СА, т. XIX, 1954. С. 81, прим. 11. *Седов В.В.* Длинные курганы кривичей // Свод археологических источников. Вып. Е1-8. М., 1974. С 327.

[55] *Сербаў І.А.* Археолёгічныя помнікі Дубровенскага раёну Аршанскае Акрузі // Працы II. С. 91.

[56] *Ляўданскі А.М.* Археолёгічныя досьледы ў Аршанскае Акрузе // Працы II. С. 36. Любопытно, что обряд погребения здесь был переходным от трупосожжений к трупоположениям (сожжение в длинной яме, вырытой как для целого трупа).

[57] *Нямцоў А.* Помнікі старасветчыны ў Асіповицкім раёне // Асіповіцкі раён Бабруйскай Акругі. Вып. 2. Мн., 1928. С. 83.

[58] *Спицын А.А.* Материалы по доисторической археологии России. Минская губерния // ЗРАО, т. X, вып. 1, 2. 1898. С. 326 и сл.

*
* *

ОТСУТСТВИЕ письменных источников и недостаточное количество археологических данных не позволяют, к сожалению, должным образом осветить глубинный процесс зарождения феодальных отношений в Полоцкой земле, и о нем часто можно только догадываться лишь по имеющимся крайне отрывочным данным. Так, исчезновение в IX в. коллективных усыпальниц — длинных курганов — и замена их круглыми насыпями меньших размеров с одиночными, реже парными захоронениями — свидетельствуют, по-видимому, об ослаблении родовых связей и о господстве семьи патриархального типа, а наличие в пределах одной курганной группы богатых и бедных инвентарем погребений указывает, вероятно, на имущественное неравенство. Погребальный обряд является самым консервативным, и явления, которые он отражает, часто относятся к гораздо более ранним временам. Однако это не всегда так. Переход к парной семье патриархального типа начал совершаться у кривичей, несомненно, раньше возникновения длинных курганов, имущественное же неравенство, которое прослеживается только в круглых курганах с трупоположением, отражает, конечно, «сегодняшний» день, т.е. относится к X—XI вв.

Появление богатых и бедных патриархальных семей привело постепенно к образованию племенной знати, которая, пользуясь трудом зависимых от нее бедных членов общины, все более налагала свою тяжелую руку на общинную собственность, начиная захватывать власть в племенных центрах и во всем племени. Так появились племенные князья, которые стали отстраивать укрепленные стенами большие участки — «дворы», где они, поставившие себя над племенем, могли быть вне опасности. Племенная знать полочан отстроила на правом берегу Полоты недалеко от ее устья крепость — «город» Полоцк. Сюда теперь собиралась дань со всей Полотско-Ушачской группы поселений, которая, став собственностью полоцкого князя, отныне именовалась его «волостью» (от глагола «володеть» — владеть). Власть князя ежегодно распространялась на все новые соседние территории путем наложения дани.

Если социально-экономическое развитие ряда древнерусских земель лесной полосы Восточной Европы несколько запаздывало в своем развитии и земли эти, находясь в зависимости от Юга, лишь к XII—XIII вв. достигли уровня развития других княжеств (например, Ростово-Суздальская[59] и Смоленская земли), то Полоцкая земля оказалась в совершенно особом положении и первая открыла, как увидим, путь к экономической и политической самостоятельности. Причин более раннего развития феодализма в этой земле несколько, но главнейшая, на наш взгляд, в ее географическом положении. Как я уже показывал ранее[60], разрозненные скопления кривичей в Северной Белоруссии в X в. были объединены двумя скрестившимися здесь крупнейшими общерусскими торговыми коммуникациями, протянувшимися через всю страну с юга на север и северо-запад и с запада на восток (т.е. путь «из варяг в греки» и путь западнодвинский — через Смоленск и волоки по Западной Двине). Сравнение карты распространения в Полоцкой земле арабских дир-

[59] *Насонов А.Н.* Малоизученные вопросы ростово-суздальского летописания XII в. // Проблемы источниковедения, т. X. М., 1962. С. 349—350.

[60] *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 83 и сл.

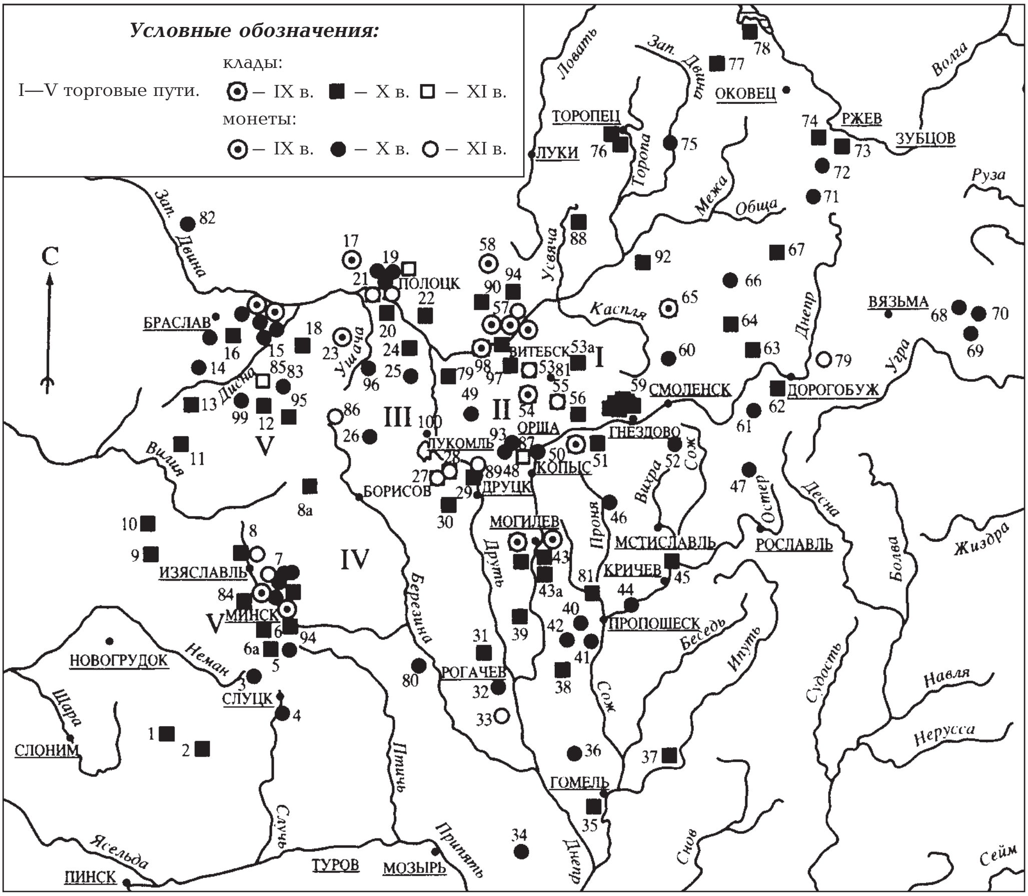

Схема 4. Клады и отдельные находки арабских монет IX – начала XI в. в западнорусских землях

1 — клад вблизи р. Цны; 2 — Дегтяны; 3 — Греск; 4 — Слуцк; 5 — Пятевщина; 6 — Новоселки; 6а — Койданово; 7— Минск (4 находки монет); 8 — Заславль; 8а — Избище; 9 — Погорельщина; 10 — Раковцы; 11 — Симоны; 12 — Глубокое; 13 — Поставы; 14 — Красная; 15 — Прудники (6 находок кладов и отдельных монет); 16 — Видзовский Двор; 17 — Ахремцы; 18 — Поречье Глубокского р-на; 19 — Полоцк (4 находки монет); 20 — Козьяки; 27 — Полоцк (2 клада); 22 — Струнь; 23 — Малые Дольцы; 24 — Тупичино; 25 — Усвица; 26 — Словены; 27, 28 — Стражевичи; 29 — Прусиничи; 30 — Красновинки; 31 — Шапчицы; 32 — Збаров; 33 — Рогачев; 34 — Микулино; 35 — Гомель; 36 — На р. Узе; 37 — Покоть; 38 — Кисаляки; 39 — Вотня; 40 — Староселы; 41 — Поповка; 42 — Песчанка; 43 — Могилев (6 находок); 43а — Красковинка; 44 — Горки; 45 — Ст. Дедин; 46 — на р. Проня; 47 — Зимница; 48 — Багриново; 49 — Вядец (2 находки); 50 — Застенок; 51 — Соболево; 52 — Борщевина; 53 — Лучесы; 53а — Гарица; 54 — Богушевск; 55 — Суходрево; 56 — Любиничи; 57 — Витебск (4 находки монет и кладов); 58 — Городок; 59 — Гнёздово; 60 — Иловка; 61 — Мутышкино; 62 — Дорогобуж (2 находки); 63 — Ярцево; 64 — Жигулино; 65 — Кислая; 66 — Слобода; 67 — Дунаево; 68 — Попово; 69, 70 — Паново; 71 — Гульце; 72 — Горки; 73 — Ржев; 74 — Семков Городок; 75 — Курово; 76 — Торопец; 77 — Пальцево; 78 — Жабичев; 79 — Харлапово; 80 — Березино; 81 — имение Антовили; 82 — Черневичи; 83 — оз. Шо (д. Шо); 84 — Новый Двор; 85 — Горовляны; 86 — Суденка; 87 — клад из Оршанского у.; 88 — Глазуново; 89 — Поречье; 90 — Богомолец; 91 — Лециковщина; 92 — Саки; 93 — Смоляны; 94 — клад из Богушевского р-на; 95 — Плисса; 96 — Путилковичи; 97 — Сенно; 98 — Добрино: 99 — Дивная; 100 — Слободка. На карту не нанесены находки кладов и отдельных монет, местонахождение которых известно лишь в пределах районов (Бешенковичский (1), Витебский (2), Глубокский (1), Миорский (3), Шарковщинский (3), Червенский (1), Сенненский (1)) или в пределах области (Витебская (2)) — итого 14. Всего было найдено 139 нумизматических находок, большая часть которых происходит из Днепро-Двинского междуречья.

гемов, а также монет западноевропейских и византийских с картой поселений домонгольского времени показывает, что население этой страны активно участвовало в торговле, возникавшей, видимо, вдоль западнодвинского ответвления пути «из варяг в греки» (которое было, как отмечал уже С.В. Бернштейн-Коган*, главнейшим), все находки кладов и отдельных монет располагаются, как и местные поселения домонгольского времени, в диагональном направлении с юго-востока на северо-запад и в основном в местах их скоплений, прежде всего в междуречье Западной Двины и Днепра (см. схему 3). Все волоки этого важнейшего для Руси пути в Прибалтику и Скандинавию оказались, таким образом, в основном в Полоцкой земле; она владела, следовательно, ключевыми позициями международного транзита, что не могло не сказаться решительным образом на ее экономике.

Процесс формирования государственного образования феодального типа — Полоцкой земли — наши источники позволяют проследить в нескольких проявлениях и набросать примерную схему его развития. Он начался, естественно, с оформления территории княжества в целом (что в свое время блестяще показал А.Н. Насонов[61]). С возвышением Полоцка и с появлением «местного феодального класса, в интересах которого было создать аппарат принуждения, распространяя его действие на значительное территориальное объединение»[62], дань, поставляемая в Полоцк, начала разрастаться все более; IX и X века были «поглощены» формированием и утверждением власти в Полоцке, а также и «данническим освоением» населения внутри страны складывающимся феодальным классом.

Центробежное распространение дани из этого города привело в конце концов в соприкосновение ее с данью, распространяемой из соседних равновеликих центров — Пскова, Новгорода, Смоленска и Турова. После неизбежных столкновений в конечном итоге были проведены границы между княжествами, хорошо прослеживаемые как по наличию возле них ненаселенных, «ничьих» зон, так и по топонимам «Межа» (пограничное поселение[63]), «Межник» (пограничный знак[64]).

Как уже писал А.Н. Насонов, южная граница Полоцкой земли сложилась довольно рано, на рубеже X—XI вв. или в самом начале XI в. Она представляла, очевидно, незаселенную зону лесов верхнего Немана, его притока Лощи, истоков Случи и выходила к верховьям Птичи. Южнее располагалось скопление слуцких поселений Турово-Пинской земли (см. схему 3). Полоцкая дань пришла в соприкосновение с черниговско-смоленской (Смоленск принадлежал тогда Черниговской земле), по мысли А.Н. Насонова, в первой половине XI в. Стремясь получить в лице сильного полоцкого князя союзника, Ярослав Мудрый был вынужден уступить Полоцку ключевые позиции на волоках у Усвята и в устье р. Витьбы (Витебск)[65]. Граница земли возникла здесь в безлюдной зоне лесов к востоку от р. Лучёсы (см. схему 3).

Увеличение полоцкой территории на севере сопровождалось борьбой Всеслава Полоцкого с Новгородом и прекратилось только во второй половине XI в. Судя по топонимам «Межа»,

---

* *Бернштейн-Коган С.В.* Путь из варяг в греки // Вопросы географии. Сб. 20-й. М., 1950. С.239—270.— *Примеч. ред.*

[61] *Насонов А.Н.* Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

[62] Там же. С. 146.

[63] *Алексеев Л.В.* О распространении топонимов «Межа» и «Рубеж» в Восточной Европе // Славяне и Русь. М., 1968.

[64] *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Т. II. Ч. 1. СПб., 1895. С. 123.

[65] *Насонов А.Н.* Русская земля и образование территории Древнерусского государства. С. 151.

Современный вид Полоцкого городища VIII–XI вв. Фото И. Елисеева, 2006 г.

«Межник», Псковскую и Новгородскую земли здесь отделяли от Полоцкой также обширные зоны почти незаселенных лесов[66] (см. схему 3). Западные границы Полоцкой земли нам недостаточно ясны. Они могут быть намечены только по топонимам «Межа», которые находятся там, где располагаются (на островах озер Мядель, Дрисвяты (литов. Друкшай) и на перешейке Дривяты и Новята) полоцкие раннесредневековые пункты — Мядель, Дрисвяты и Браслав (Брячиславль). Это и были пограничные укрепления Полоцкой земли на границе с соседней воинственной Литвой, платившей дань в Полоцк.

Одновременно с общим формированием полоцкой территории шел процесс все большего закабаления свободных общинников внутри страны. В племенных центрах, существовавших ранее, и в центрах, отстроенных вновь, расселялась, по-видимому, княжеская администрация, ведавшая сбором дани с окрестных селений в пользу полоцкого князя и сконцентрировавшаяся затем в крупных центрах обложения (таких, как Полоцк, Витебск, Друцк, Минск). Округа, с которой собиралась дань в свой центр, стала называться его волостью. С ростом семьи полоцкого князя волости стали передаваться членам его семьи и стали княжескими наследственными уделами, что было, по-видимому, закреплено после смерти Всеслава Полоцкого в 1101 г.

Перейдем к непосредственному изучению полоцких волостей — уделов.

Центром Полотско-Ушачского скопления древних поселений стал Полоцк, возникший первоначально на правом берегу Полоты в виде укрепленного поселка кривичей-полочан в VIII—IX вв.[67] Был ли это тогда кривичский племенной центр, святилище или укреп-

[66] *Алексеев Л.В.* О распространении... С. 247.

[67] *Ляўданскі А.М.* Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе // Працы II. С. 161—166; *Штыхаў Г.В.* Пытанні гістарычнай тапаграфіі Полацка // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, №2. Мн., 1963. С. 63—72.

Слева: полоцкий князь Рогволод принимает посольство Владимира Святославича Новогородского в связи с его сватовством к полоцкой княжне Рогнеде Роговолодовне. Справа: Рогнеда отвечает Роговолоду по поводу сватовства Владимира Святославича: «Не хочю розути робичича. Но за Ярополка хочю». Миниатюра Радзивиловской летописи, XV в.

ленный поселок возвысившейся племенной знати, мы не знаем. Археологические исследования показали, что в X в. полоцкое «городище» было дополнительно укреплено и обросло большим, очевидно, неукрепленным посадом[68]. В 70-х годах X в. полоцким князем был некто Рогволод, который якобы пришел из-за моря. Без каких-либо оснований А.Н. Насонов отрицает эту летописную версию и считает Рогволода потомком местной племенной знати[69]. Действительно, имя Рогволод выглядит русским (володетель рога-мыса), однако оно находит соответствие и в других языках, как и имя его дочери Рогнеды[70]. Имя Ронгвалд хорошо известно исландским сагам: в истории исландских оркнейских графов, весьма древней и записанной в XIII в., рассказывается, например, о графе Ронгвалде, который, путешествуя по Европе, «по пути грабил многие языческие замки и корабли»[71]. Имя Рогволод может произойти от литовского Рыквалд — владелец[72]. Так как летописная статья 980 г. о Рогволоде и Рогнеде сообщает о событиях, происшедших в действительности в 970 г.[73], можно считать, что захват Полоцка иноземным (вероятно, варяжским) князем следует отнести к 60-м годам X в., а может быть, даже и к его середине, так как в договоре Игоря с греками 945 г. при перечислении тех же городов, что и в договоре 907 г., Полоцк уже не назван[74].

---

[68] *Штыхаў Г.В.* Пытанні гістарычнай тапаграфіі Полацка. С. 67—68.

[69] *Насонов А.Н.* Русская земля и образование территории Древнерусского государства. С. 146.

[70] *Рыдзевская Е.А.* К варяжскому вопросу // Известия АН СССР, серия VII, 1934, № 7. С. 517.

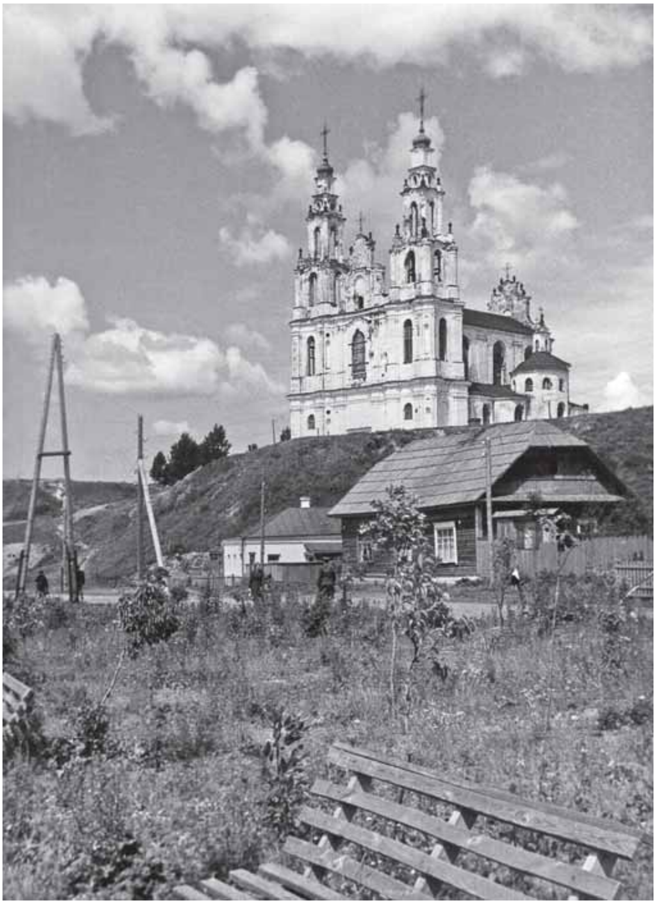
[71] Труды и летописи Общества истории и древностей российских при Московском университете, т. IV, кн. 1. М., 1830. С. 78—79.

[72] *Без-Корнилович М.О.* Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. СПб., 1855.

[73] *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 173—175.

[74] ПВЛ, ч. I. С. 36.

Летопись сообщает легенду о сватовстве новгородского князя Владимира Святославича к Рогнеде. После оскорбительного отказа Владимир взял штурмом Полоцк в 970 г. Это сообщение получило подтверждение в археологии: при раскопках Г.В. Штыхова в Полоцке отчетливо были видны следы пожара второй половины X в.[75] По летописной легенде, князь Рогволод с княгиней были убиты, а Рогнеда увезена в качестве жены Владимира. Раскопки показывают, что разгромленная цитадель Полоцка не восстанавливалась и была перенесена на рубеже X—XI вв. на более высокое и неприступное место в устье р. Полоты, на ее левый берег[76]. Перенесение древнейшей городской цитадели на новое место, на определенном этапе развития города, хорошо известно в истории Руси (например, Луки и Великие Луки и др.). В Полоцке он совпал, видимо, с возвращением полоцкой династии в центр княжества в конце X в.

Полоцкий детинец XI–XIII вв. Фото автора, 1956 г.

С ростом феодализации, с переходом от раннефеодальной формы дохода-дани к вотчинному землевладению в стране начали оформляться контуры владений полоцкого князя[77]. Сначала данью облагалось только кривичское население этих мест, а затем она распространилась на северных дреговичей (территория скоплений поселений к югу от Минска) и на восточных балтов (на западе княжества). Турово-Пинское княжество развивалось медленнее, туровская дань так и не успела докатиться до северной границы дреговичей, и северные скопления поселений этого племени отошли к Полоцкой земле.

В первой половине XI в. полоцкие интересы столкнулись на северо-востоке с новгородскими, так как дань Полоцка, как показал А.Н. Насонов, дошла до волоков на пути «из варяг в греки». Столкновение Ярослава Мудрого

[75] *Штыхаў Г.В.* Пытанні гістарычнай тапаграфіі Полацка.

[76] *Там же.*

[77] Процесс роста государственной территории Полоцкой земли был блестяще изучен А.Н. Насоновым (*Насонов А.Н.* Русская земля и образование территории Древнерусского государства).

Взятие Минска Ярославичами в 1066 г. во время похода на Всеслава Полоцкого и пленение минчан после взятия города. Миниатюра Радзивиловской летописи, XV в.

с полоцким Брячиславом (1021 г.)[78] и уступка последнему Усвят и Витебска на два с половиной десятилетия примирили страсти. События 1065 г., сообщаемые только псковскими летописями, показывают, что в середине XI в. интересы Полоцка столкнулись с интересами Пскова[79]. Во второй половине XI в. Новгород вновь обострил конфликт с Полоцком (1066 г.), а также и Смоленском[80]. Теперь сформировавшаяся Полоцкая земля была окружена такими же полугосударствами — Новгородской, Смоленско-Черниговской и Турово-Пинской землями. Расширение дани было возможно отныне только в сторону запада, где обитали еще не объединенные племена ятвягов, латгалов, литовцев, селов и т. д., о чем мы и находим свидетельства летописи[81]. В середине или в начале второй половины XII в. экспансия Полоцка распространилась на запад столь далеко, что по Западной Двине образовались два небольших княжества Полоцкой земли.

Итак, в первой половине XI в. окончательно оформились политические границы Полоцкой земли. Они шли по внешним контурам скоплений поселений на севере — между границами Полоцкой и соседних Псковской и Новгородской земель залегали большие массивы «нейтральных» лесов, что отчетливо видно при картографировании топонимов «Межа», которыми, как я уже писал ранее, обозначались в западнорусских землях домонгольского времени деревни, лежащие у границы (корень слова «межа» восходит к индоевропейскому наименованию леса[82]). Так, обширные лесные пространства мы видим между Полоцкой и Псковской землями, между Полоцкой и Новгородской землями[83] (см. схему 3).

---

[78] ПВЛ, ч. 1. С. 99; ПСРЛ, т. V. СПб., 1851. С. 134.

[79] ПСРЛ, т. V. С. 8.

[80] ПВЛ, ч. I. С. 111, 159.

[81] Там же. С. 186 и др. Вплоть до первой половины XII в. полоцкие князья взимали дань с ятвяжских и литовских племен (*Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 263—264).

[82] *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 77.

[83] *Алексеев Л.В.* О распространении... С. 245 и сл.

Одновременно с оформлением пределов владений полоцкого князя, как сюзерена страны, в Полоцкой земле шел внутренний процесс захвата общинных земель местными феодалами, процесс закабаления свободных общинников. Раньше всего это произошло, несомненно, в тех землях, которые были близки к основному центру феодализации — Полоцку, а также там, где жило наиболее платежеспособное население (например, на торговых путях). Прямых данных на этот счет для ранних периодов мы пока не имеем, но косвенные свидетельствуют об этом со всей очевидностью.

В курганах Полотско-Ушачской группы весьма часто встречаются трупосожжения (которые, как известно, прекратились на Руси на рубеже X—XI вв.) и гораздо реже трупоположения (обряд, существовавший на Руси в XI—XII вв.). Постепенное исчезновение курганного обряда в XI в. под Полоцком объясняется, безусловно, распространением христианства, что было возможным только в землях, прочно охваченных феодализацией. Эти процессы не могли одновременно распространиться по всем уголкам Полотско-Ушачской группы поселений равномерно. В центре и, повидимому, более на окраинах мы видим в XI в. и трупосожжения, и трупоположения (курганы у деревень Бельчица, Черневичи, Славены, Кисево и т. д.). Однако в целом можно считать, что к XII в. вся Полотско-Ушачская группа поселений получила особое наименование — «Полоцкая волость», подчинявшаяся, как можно понять из кратких упоминаний летописи, тому князю, который сидел в данный момент в Полоцке и управлял всей землей.

Полоцкая волость распространялась как на север от Полоцка, так и на юг. Под 1169 г. летописец сообщает, что новгородцы и псковичи ходили **к Полотьску и пожьгше волость воротишася от города на 30 върстъ**[84]. Значит, Полоцкая

Полоцкая земля в сравнении с некоторыми политическими объединениями Зап. Европы XII в.
1 — Полоцкая земля; 2 — Португальское королевство; 3 — Баварское герцогство

волость на севере простиралась более чем на 30 км. И сейчас здесь, на расстоянии 50 км к северо-востоку по прямой от Полоцка, есть озеро и поселок Межно, а далее находится озеро Нещерда, еще в 1403 г. принадлежавшее Псковской земле[85]. В 60 км к северо-востоку от Полоцка близ озера Неколочь стоял полоцкий пограничный пункт Неколочь, а далее, в 90 км — новгородский Еменец[86].

Сообщая о волнениях в Полоцке в 1159 г. и о бегстве в Минск Ростислава Глебовича, летописец указывает, что этот князь **много зла сътвори волости Полотьской, воюя и скоты и челядью**[87]. Повидимому, эта значительная часть По-

[84] НПЛ. С. 33.

[85] Псковские летописи, т. II. М., 1955. С. 110; *Оглоблин. Н.Н.* Объяснительная записка к карте Полоцкого повета второй половины XVI в.

[86] *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 185, прим. 178.

[87] ПСРЛ, т. II, изд. 2. СПб., 1908, стб. 495—496.

лоцкой земли (иначе о ней летописец бы не упомянул) находилась к югу от Полоцка, через которую и бежал изгнанный князь. На карте археологических памятников того времени мы действительно видим область к северо-востоку от Полоцка (вплоть до Неколочи), до некоторой степени насыщенную курганами (см. схему 2), однако значительно менее плотно, чем в Полотско-Ушачском скоплении.

Таким образом, Полоцкий удел-волость, судя по археологической карте, на юго-западе доходил до правобережья Дисны (на левобережье располагались литовские племена). Это подтверждают находки в раскопках курганов Ф.В. Покровского на Браславских озерах. Именно они, судя по Сафаревичу, оставили литовские топонимы с окончанием на *-ишки*[88]. Западной границей удела была Берёзовка (правый приток Дисны; междуречье ее и Мяделки было, по-видимому, занято пограничным лесом). Верховье р. Березины (днепровской), озера в районе современного Березинского канала, левобережье р. Уллы служили южной границей удела, а нижнее течение р. Усвячи — восточной. На правобережье Двины Полоцкий удел охватывал, по-видимому, реки Оболь, Сосницу, Полоту (и, возможно, среднее течение р. Дриссы, см. схему. 3). Очерченные южные границы Полоцкой волости почти полностью соответствуют южной границе Полоцкого повета второй половины XVI в.[89]

Если «эмбрион» города — феодального центра — намечается в Полотско-Ушачской группе поселений уже в VIII—IX вв., то в остальных скоплениях древних поселений эти центры возникают, по-видимому, несколько позднее. Как выясняется, они появляются прежде всего на крупных торговых коммуникациях, и в первую очередь на пути «из варяг в греки».

Витебск упоминается в летописях уже под 1021 г. Он и Усвят, мы видели, располагались в важных узловых пунктах этого пути (первый — на скрещивании его с путем западнодвинским, а второй — на одном из его волоков). Как и Полоцк, Витебск возник в VIII—IX вв. в качестве укрепленного поселка кривичей (его так называемая Замковая гора, датируемая этим временем, была уничтожена в середине 90-х годов XIX в.)[90]. Городище Витебска было окружено селищем того же периода (лепная керамика VIII—IX вв. в основании культурного слоя так называемого Нижнего замка)[91]. К XI в. это был уже небольшой феодальный центр с укрепленным де-

---

[88] *Safarewicz J.* Rozmieszczenie nazw na *-iszki* na pograniczu słowiańsko-litewskim // Sprawozdania z czynnosci posiedzen Polskiej Akademii Umiejętności. T. XLIII, Kraków, 1947.

[89] *Оглоблин Н.Н.* Объяснительная записка... Карта.

[90] *Алексеев Л.В.* К истории и топографии древнего Витебска // СА, 1964, № 1.

[91] *Штыхов Г.В.* Города северной и центральной Белоруссии // ОАБ, ч. II. 1972. С. 77—80. Учитывая исследования этого археолога в Витебске, настало время поставить вопрос о времени его возникновения. Древние источники даты ранее 1121 г. не дают, но так называемая Витебская летопись утверждает, что город отстроен Ольгой в 974 г. (Витебская старина, т. I / Сост. и изд. А.П. Сапунов. Витебск, 1883. С. 455). Эта дата неверна, так как Ольга умерла в 969 г. Однако, на наш взгляд, упоминание Витебской летописи заслуживает внимания. «Повесть временных лет» под 947 г. сообщает о поездке Ольги на север, где она ...**уставя по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли...** (ПВЛ, ч. I. С. 43). Текст этот необычайно близок к поздней Витебской летописи, приводимой А.П. Сапуновым. Витебская летопись лишь добавляет некоторые подробности, вероятно, из не дошедших до нас источников. Мной уже была поддержана мысль А.П. Сапунова о том, что, списывая сообщение о 960 г., составитель Витебской летописи Степан Аверка переводил летоисчисление и ошибся, поменяв цифры 4 и 7, в результате чего получилась дата не 947, а 974 (Витебская старина, т. I / Сост. и изд. А.П. Сапунов. Витебск, 1883. С. 642—670. *Аляксееў Л.* Віцебску — тысяча год // Віцебскі рабочы, 24 июня 1970; *Рыбакоў Б.А., Аляксееў Л.В.* Калі быў заснаваны Віцебск // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, № 2. Мн., 1972. С. 79). Вполне вероятно, что Ольга, двигавшаяся за данью в глухие места Новгородчины, прошла туда не через давно уже освоенные места у Смоленска, а по глухим местам устья Витьбы, где и учредила новый «повост».

Берестяная грамота из Витебска, XIII в.
«От Степана к Нежилу. Если ты продал одежду, купи мне ячменя на 6 гривен. Если же чего-нибудь еще не продал, то пошли мне сами эти вещи. Если же продал, сделай милость, купи мне ячменя» (Перевод А.А. Зализняка)*

тинцем (Верхний замок) и окольным городом (Нижний замок), неукрепленным посадом и огромным курганным некрополем[92].

Витебская волость упоминается в списке договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г.[93] Позднее, в XVI в., она именовалась воеводством[94]. Крайне слабая археологическая изученность витебского района, к сожалению, значительно затрудняет наши наблюдения и заставляет привлекать почти лишь исключительно косвенные данные. Судя по карте, в междуречье Каспли и Лучесы памятников почти нет: оно чуть не сплошь занято до сих пор лесами. Это, видимо, остатки пограничных громадных лесов Полоцкой земли на ее восточном порубежье. Таким образом, древние поселения Витебской волости следует искать к северу и западу от города в очень небольшом количестве. Судя по карте Полоцкого повета XVI в., его восточная граница проходила в 20 км к западу от Витебска, у Старого Села. Вероятно, где-то здесь она шла и в домонгольское время.

Археологические раскопки в Витебске на Нижнем замке (окольный город), проведенные Г.В.Штыховым, дали любопытные результаты. Там обнаружены материалы банцеровской культуры (третья четверть первого тысячелетия н.э.), лепная керамика IX—X вв., а также и более поздние слои домонгольского времени[95]. Из Витебска происходит и берестяная грамота XIII в.[96]

Усвят не разросся в большой город. Его жизнь целиком была связана с путем «из варяг в греки». С упадком этой коммуникации в XII в. и усилением западнодвинского пути удаленный от него Усвят потерял, видимо, значение. Я.В. Станкевич обнаружила здесь три городища и значительный посад раннефеодального времени[97].

Лукомль, упоминаемый в «Поучении» Мономаха (в связи с событиями 1078 г.), располагался на друцко-двинском волоке и, можно полагать, возник намного раньше. Раскопки показали, что феодальный центр вырос здесь из поселка кривичей IX — начала X в., возникшего на базе более раннего поселения банцеровской культуры[98], т.е. одновременно с путем «из варяг в греки».

---

[92] *Алексеев Л.В.* К истории и топографии…

[93] Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 39.

[94] ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907. С. 353, 409, 411.

[95] *Штыхов Г.В.* ОАБ, ч. II. 1972. С. 77—80.

[96] *Дроченина Н.Н., Рыбаков Б.А.* Берестяная грамота из Витебска // СА, 1960, № 1. С. 282—283.

[97] *Станкевич Я.В.* К истории населения Верхнего Подвинья // МИА, № 76. М.-Л., 1960. С. 132, 214, 322.

[98] *Штыхов Г.В.* ОАБ, ч. II. 1972. С. 80 – 82.

* *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 521

Как и Усвят, удаленный от двинского пути, большим городом Лукомль не стал, но существовал довольно долго, так как находился в центре Полоцкой земли при двинско-днепровском волоке, значение которого не ослабевало.

Раскопки показали, что расцвет домонгольского Лукомля падает на XII—XIII вв.[99] — время расцвета полоцких городов, когда центральная власть стала почти минимальной. В Лукомле в это время, по-видимому, сидел уже свой собственный князь — один из многочисленных правнуков Всеслава Полоцкого. Однако после «Поучения» Мономаха Лукомль упоминается в числе литовских городов на страницах письменных источников только в XIV в.[100]; в 1386 г. после длительной осады он был сдан соединенным войскам немецкого Ордена и князя Андрея Ольгердовича[101]. Лукомльские князья упоминаются только в начале XVI в. (1508 г.)[102]. О Лукомльской волости сведений в нашем распоряжении нет, но, судя по расположению скопления древних поселений, в центре которого стоит город, она несомненно существовала уже в домонгольское время.

Друцк упоминается в «Поучении» Мономаха тогда же, когда и Лукомль (1078 г.)[103]. Можно думать, что этот центр, лежавший у концов друцко-лукомльского волока двинского ответвления пути «из варяг в греки», возник одновременно с ним. Жившие в X в. в верховьях Друти многочисленные кривичи промышляли перевозками по волоку товаров, обменом с проезжими по нему торговыми людьми, были, следовательно, достаточно платежеспособны, и феодал вполне мог рассчитывать на получение бесперебойной дани.

Запись на известном друцком Евангелии XIV в. сообщает о постройке в Друцке церкви Богородицы якобы уже в 1001 г.[104] Было ли так в действительности — неизвестно*; однако археологические раскопки, которые автор вел в Друцке в течение девяти лет, указывают на возникновение в этом городе первого укрепленного поселения именно на рубеже X и XI вв. или в самом начале XI в.[105] В это время, следовательно, в гуще славянских поселений на верхней Друти в начале волока была отстроена феодальная крепость, которая не только контролировала весь волок, но и подчинила себе все окрестное население. Неизвестно, был ли это первоначально посаженный на волоке княжеский тиун или просто феодал, дававший часть дохода полоцкому князю. Учитывая, что это было время начальной формы феодальной ренты на Руси, выражавшейся в виде дани, мы склонны полагать, что здесь в это время обосновался посадник и, вероятно, княжеский тиун.

В XII в. Друцк оказывается удельным городом, принадлежащим одной из старших линий потомков Всеслава Полоцкого — Борисовичам[106]. Друцкий удел-волость под наименованием «Друцкая земля» упоминается в западнорусских летописях при сообщении легенды о киевском князе Дмитрии, бежавшем якобы от Батыя в Друцк **и землю Друцкую**, где он **посел и город Друческ за-**

[99] *Штыхов Г.В.* ОАБ, ч. II. 1972. С. 80—82.

[100] НПЛ. С. 476.

[101] *Штыхов Г.В.* ОАБ, ч. II. 1972.

[102] ПСРЛ, т. XIII. С. 372, 408. *Штыхов Г.В.* ОАБ, ч. II. 1972. С. 317.

[103] ПВЛ, ч. I. С. 159.

[104] *Тихомиров М.Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 9—10.

* Прочтение этой даты как 6509 (1001) г. сейчас поставлено под сомнение. (См. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век. Вып.1. М., 2002. С. 330—331.). По мнению составителей названного католога, это неразборчиво записанная цифра 6909, приведя которую к современному летоисчислению, получим дату, заключенную в промежутке с 01.03.1401 по 28.02.1402 г.— *Примеч. ред.*

[105] *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 151—152.

[106] Там же. С. 252—253.

Друцкое городище. Вид с юга. Фото автора, 1957 г.

рубил[107]. Владения Друцкого удела можно приблизительно очертить, исходя из нашей карты (см. схему 2), очевидно, до верховьев рек Бобр, Усяж-Бук, Оболянка на севере и северо-западе (где в XII в. начинались владения Лукомля), видимо, по рекам Адров и Днепр — на востоке, вниз по р. Друть — на юге до впадения р. Грёзы, а может быть, и до самого устья Друти.

Такое заключение кажется правдоподобным, так как другие претенденты на владение поселениями на Друти неизвестны, а Друцк, почти несомненно, контролировал весь друцкий путь, удобный для поддержания связи со всеми подвластными землями. Березина, видимо, разделяла Минский и Друцкий уделы. По сообщению В.Н. Татищева, полоцко-друцкий князь Борис Всеславьич, в 1102 г. возвращаясь из похода на ятвягов, отстроил город Борисов, по-видимому, на границах своего удела[108].

Как мы видели, территория Минской группы скоплений поселений была занята славянами только в XI в. Здесь расселились дреговичи, подчинить которых кривичскому Полоцку удалось лишь потому, что его дань опередила Турово-Пинскую. Этим и объясняется, что процесс внутренней феодализации шел здесь с некоторым опозданием. Как показало дендрохронологическое изучение остатков древесных укреплений минской цитадели, этот город (отстроенный с самого начала как крепость) возник в 1063 г., по мнению автора раскопок, как пограничная крепость Полоцкой земли[109]. Однако расположение его, как мы установили, в северной части густого скопления древнерусских поселений — самого удаленного от границы Полоцкой земли, показывает, что основная задача крепости была не в охране пограничной зоны (хотя и это не исключается), а во взимании дани с окрестного дреговичского населения и с соседних литовских и ятвяжских племен[110].

Военный характер древнейшего Минска, бросившийся в глаза Э.М. Загорульскому при раскопках, по-видимому, и объясняется тем, что этот «центр принуждения» был выстроен

---

[107] ПСРЛ, т. XVII. С. 230, 243, 299, 360. См. так же: Хроника Быховца / Под ред. Н.Н. Улащика. М., 1966. С. 36—37.

[108] *Татищев В.Н.* История Российская, т. II. М., 1963. С. 123.

[109] *Загорульский Э.М.* Древний Минск. Мн., 1963. С. 112—113, 117.

[110] Судя по летописи, в XII в. дань с литовских племен собирали минские князья (ПСРЛ, т. II, стб. 496).

Покушение жены Владимира Святославича Киевского Рогнеды, дочери полоцкого князя Рогволода, на жизнь спящего мужа. Пробудившийся Владимир перехватил занесенную над ним руку с ножом. Миниатюра Радзивиловской летописи, XV в.

в подчиненной Полоцку чужеродной дреговичской среде, составившей южнее особое дреговичское «полугосударство» — Турово-Пинскую землю. Минск, удаленный от южных границ княжества, нужно было охранять потому, что здесь сидела полоцкая княжеская администрация, собирающая дань в Полоцк. Вспомним также, как быстро усилился минский князь Глеб, всю жизнь боровшийся с полоцкими князьями и, наконец, высланный в Киев (где он и умер)[111]. Быстрое усиление Глеба, нам представляется, было возможно именно из-за его антиполоцкой ориентации (против полоцких князей). Идея освобождения дреговичского населения от эксплуатации Полоцка была распространена в Минском уделе-волости, по-видимому, очень сильно. Ее, можно думать, использовали и потомки минского Глеба — минские Глебовичи в течение всего XII в.[112]

Что касается Минского удела-волости, то он упоминается в летописях в качестве такового под 1128 г.[113], но он существовал, видимо, уже с 1104 г., когда сидящий здесь минский князь Глеб (совсем недавно получивший этот удел) не только отказывается подчиниться своему старшему брату Давыду Всеславичу Полоцкому, но и отражает осаду города, предпринятую этим князем совместно с войсками южнорусских князей. Минскому уделу-волости, несомненно не принадлежал ни соседний Изяславль, ни Логожеск: эти города составляли, по-видимому, отдельные уделы и при захвате Минской земли Мономахом (1119 г.) отошли к Полоцкой земле[114]. Исходя из расположения курганов вокруг Минска (см. схему 2), можно считать, что владения минского князя простирались главным образом на юг и далее верховьев рек Уссы и Птичи не заходили. Южнее шли, очевидно, об-

---

[111] *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 253—257.

[112] *Там же.*

[113] ПВЛ, ч. I, стб. 302.

[114] *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 253—254.

Попытка Владимира Святославича Киевского убить свою жену Рогнеду в присутствии сына Изяслава. Наученный матерью Изяслав скзал: «Отечь, егда един мнишися ходя?» «А кто тя мнел зде?»– ответил Владимир и опустил свой меч. Миниатюра Радзивиловской летописи, XV в.

ширные леса, отделяющие полоцкие земли от турово-пинских. Западнее еще более непроходимые леса Ислочско-Неманского и Неманско-Сервечского междуречий отделяли Минскую волость от новогрудских владений. Судя по топонимическим наименованиям «Литва», сюда позднее продвинулись литовские поселения. Как полагает по другим данным Э.М. Загорульский, отмеченные нами малозаселенные лесные массивы Свислочско-Березинского междуречья, как и район древнего города Свислочи, полностью принадлежали Минску[115].

Мелкие Изяславльская, Логожская и Борисовская волости возникли, повидимому, неодновременно. Скопление поселений под Изяславлем (ныне Заславлем) образовалось, судя по распространению курганов и их датировке, с X в. Летопись сообщает о высылке Владимиром своей непокорной жены Рогнеды с сыном Изяславом в специально отстроенный для него город Изяславль. Раскопки показали, что детинец и окольный город (или неукрепленный посад) существовали в Заславле уже в конце X — начале XI в.[116] Керамика этого времени, найденная на материке детинца, оказалась несколько более поздней, чем та, которая встречается в заславльских курганах и датируется там X в. Очевидно, заславльский детинец возник позднее деревенской округи — в конце X — начале XI в. В XII в. после временного перехода Минска к южнорусским князьям (1119 г.)[117]. Изяславль (также временно) играл роль пограничного укрепленного пункта на южных полоцких рубежах. Он был усилен настолько, что в 1127 г. коалиции южнорусских князей пришлось направить для его завоевания соединения четырех

[115] *Загорульский Э.М.* Древний Минск. Автореф. канд. дисс. Мн., 1962. С. 8.

[116] *Штыхов Г.В.* Заславль в свете раскопок 1967—1968 гг. // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Мн., 1969. С. 135—136. См. также: ОАБ, ч. II. 1972. С. 85—86.

[117] ПСРЛ, т. I, стб. 298—299; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 261.

князей — туровского, владимиро-волынского, гродненского и клецкого, в то время как на Друцк двигался только один смоленский князь, на Логойск (Логожеск) — курский князь, и только на Стрежев к Борисову (т. е., как мною уже отмечено, на Полоцк)[118] шли объединенные войска Ольговичей с торками. В это время в Изяславле сидел молодой князь Брячислав, который, испугавшись огромных сил, подступивших к городу, оставил свое княжение и бежал к отцу, но, находясь **посредѣ пути, ...острашився, не мога поити ни сѣмо, ни онамо и иде шюрину своему въ руцѣ**. Здесь же в Изяславле находилась его жена — дочь киевского Мстислава Владимировича, по указанию которого велась осада.

Изяславль был старейшим полоцким уделом, с X в. связанным непосредственно с Полоцком. Если верить летописи, в то отдаленное время в нем сидел высланный из Киева малолетний княжич Изяслав с матерью Рогнедой. Можно думать, что они вернулись в Полоцк только после того, как там была отстроена новая цитадель — новый детинец на нынешней горе — Верхний замок. Если этот удел-волость был княжеским уделом как в X в., так и в XII в., то он должен был быть окружен сравнительно многочисленными «тяготевшими» к нему поселками, где жило зависимое от изяславльского князя эксплуатируемое им население. Где же находились эти деревни? Наша археологическая карта показывает, что удел мог распространяться не к югу, где начинались владения Минска, не к западу, где стояли дремучие литовские безлюдные в то время леса, и не к востоку, где начинались владения Логожеска, а только к северу, где мы видим скопление поселений в междуречье верховьев Березины (неманской) и Вилии.

Мы сказали, что изяславльский князь Брячислав находился в зависимости от отца, к которому и бежал в минуту опасности. Если мы выясним, кто был его отец, мы сможем определить, от какого из крупных полоцких уделов зависел этот меньший удел, от которого он, очевидно, отпочковался. Мы видели, что в X в. Изяславль был вотчиной полоцкого князя, и мы полагаем, он оставался ею в последующие два столетия. Доказательства этому в следующем: услыхав о движении коалиции, Брячислав бросился к отцу. То, что он был остановлен где-то за Логожеском, показывает только начальное направление его бегства, но ни о чем не свидетельствует, так как дорога из Изяславля на Полоцк, как и на Друцк, что уже было установлено нами, шла через Логожеск до самого устья Гайны, где и разветвлялась: вверх вдоль течения Березины на Полоцк и вниз по ее течению (до Борисова) на Друцк[119]. Куда же бежал изяславльский князь? Далекий Витебск исключается, так как в этом случае середина пути, где был застигнут Брячислав, должна была быть вне пределов досягаемости врагов, да и прямого пути на этот город из Изяславля не было. Исключается и Друцк, так как бежать туда вдоль фронта врага, окружающего все пункты, мимо ко-

---

118 ПСРЛ, т. I, стб. 298—299. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 258. До сих пор в науке нет единого мнения: шли Ольговичи в 1127 г. на Стрежев через Борисов или наоборот (в летописи — на Стрежев к Борисову, что допускает оба толкования). Летописным Стрежевом было, по-видимому, современное с. Стрижево на р. Свече, вблизи Полоцка. Там, судя по карте Пахоловицкого 1579 г., находился укрепленный пункт еще в XVI в. (*Коркунов М.* Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения, ч. 15. СПб., 1837. С. 235—249). Здесь же помещает Стрежев и А.Н. Насонов. (*Насонов А.Н.* Русская земля и образование территории Древнерусского государства. Вклейка между с. 152—153). Тексты, подобные приведенному, нередки: под 1249 г., например, в летописи сообщается: ...**Ярославъ иде къ Смоленьскоу на Литву** (ПСРЛ, т. XV. М., 1965. С. 29). Данный текст, как мы видим, подтверждает нашу интерпретацию источника.

119 *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 85 и 87.

торых предстояло следовать,— Логожеск, Борисов и, наконец, сам Друцк, было не только безрассудно, но и невозможно. Брячислав, по-видимому, рассчитывал проскочить только Логожеск, а затем от устья Гайны повернуть налево, к северу и бежать к отцу в Полоцк. План не удался, так как за Логожеском он был заперт с востока Ольговичами, пришедшими к Борисову, а сзади Изяславом, окружившим только что покинутый им Логожеск. Брячислав сдался, так как не мог двинуться **...ни семо, ни онамо...** Итак, по нашему предположению, Брячислав был сыном полоцкого князя Давыда, и если это так, то весь

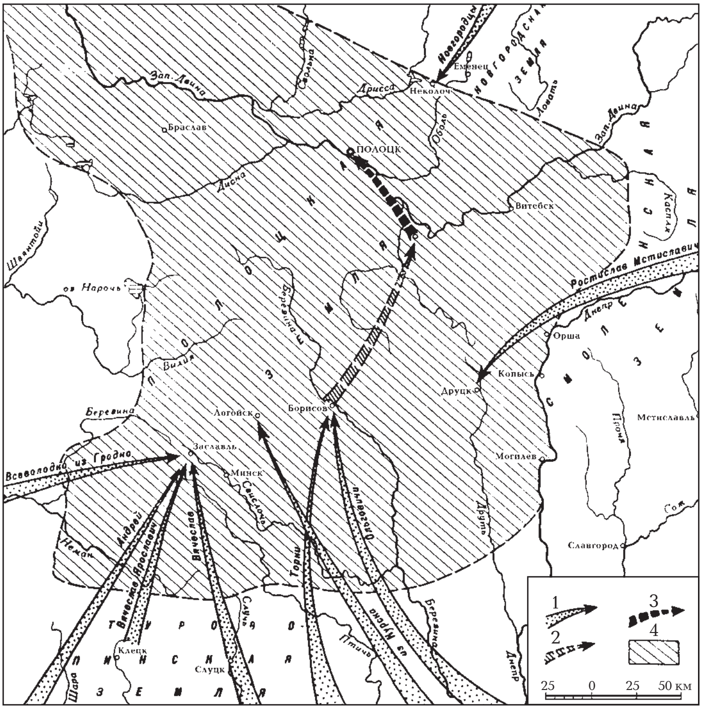

Схема 5. Коалиционный поход русских князей на Полоцкую землю 1127 г. *1 — южнорусская коалиция; 2— неосуществленная часть похода Ольговичей на Стрежев; 3 — предполагаемое направление удара Ольговичей; 4 — Полоцкая земля*

Изяславльский удел-волость был вотчиной Давыдовичей (старший удел принадлежал старшей линии потомков Всеслава Полоцкого), т.е. являлся уделом, так сказать, второго порядка, подчиненным непосредственно Полоцку.

Логойский удел-волость по площади был, можно полагать, несколько меньшим, чем Изяславльский, и возник он, вероятно, несколько позднее его. Судя по археологическим данным, он занимал пространство от верховьев Вилии до левобережья верхней Березины и Гайны. Самая населенная его часть находилась в окрестностях Логожеска по левому берегу р. Гайны. Центр волости — Логожеск (ныне Логойск) впервые упоминается в «Поучении» Мономаха при изложении событий 1078 г.[120] Во второй половине XII в. город был уже княжеским и здесь сидел в 1180 г. некий князь Всеслав Микулич[121]. Сам Логожеск возник, судя по раскопкам, вероятно, в первой половине XI в.[122] Возможно, что в XII в. это был уже довольно крупный по тому времени центр: на его детинце, имеющем площадь 1,5 га, располагалась церковь с дорогими мозаичными полами, остатки которых в виде поливных плиток были найдены археологами[123].

---

[120] ПВЛ, ч. I. С. 159.

[121] ПСРЛ, т. I, стб. 297—298; т. II, стб. 620.

[122] *Штыхов Г.В.* Археологические раскопки в Орше и Логойске // Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР. Мн., 1967. С. 394 и сл.; *он же.* Раскопки в Логойске в 1968 г. // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Мн., 1969. См. также: ОАБ, ч. II. 1972. С. 87.

[123] *Штыхов Г.В.* Раскопки в Логойске в 1968 г. С. 125.

Борисовская волость в летописи не упоминается. Здесь, по-видимому, не было княжеского удела, но волость, безусловно, существовала, так как в районе Борисова, как это видно на карте, имеется большое скопление древнерусских курганов (см. схему 2). Борисов упомянут впервые, по сведениям В.Н. Татищева, под 1102 г.: в этом году его отстроил Борис Всеславич после похода на ятвягов, которыми он его и населил[124]. Борис-Рогволод Всеславич был вторым сыном полоцкого Всеслава, владел, как мы говорили, Друцком, был родоначальником друцких князей, и нет ничего удивительного, что, укрепляя свои западные границы, князь населил Борисов пленными[125].

До недавнего времени древность Борисова ставилась под сомнение, так как в современном Борисове следов древнего летописного города обнаружить не удалось[126]. Сейчас благодаря археологическим исследованиям Г.В.Штыхова установлено, что городище древнего Борисова расположено на месте современного села Старый Борисов, в 5 *км* выше города по течению Березины. Оказалось, что поселение домонгольского времени было уничтожено здесь огромным пожаром[127], что, возможно, и послужило причиной перенесения города на новое место. Рядом с городищем древнего Борисова располагался посад домонгольского времени. По-видимому, древний Борисов был некогда довольно большим центром Полоцкой земли, в который стекались доходы со всей волости. Борисовская волость, охватывавшая, безусловно, все скопление борисовских курганов, образовалась, таким образом, позднее возникших здесь поселений примерно на одно столетие.

Осталось сказать несколько слов о волостях Свислочской и Оршанской. Обилие курганов и, следовательно, поселений в нижнем течении Свислочи показывает, что и там не мог не вырасти свой феодальный центр, куда шли доходы с окрестного населения. Таковым и был г. Свислочь. Наличие домонгольского слоя в г. Свислочь было зафиксировано белорусскими археологами еще в 30-х годах XX столетия. В последнее время там вел раскопки Э.М. Загорульский, еще не опубликовавший их результатов (в печать просочились лишь незначительные сведения)[128]. Судя по раскопкам в Свислочской группе городища и селища домонгольской поры у д. Жужлянки, первые славянские поселения здесь следует отнести к IX—X вв.[129] Свислочь не была, по-видимому, княжеским центром, он был в составе Минского княжества и поставлял туда собранную со своей округи феодальную ренту.

Подобным пунктом был, очевидно, и г. Орша со своей Оршанской волостью. Археологические раскопки показали, что Орша возникла в середине XI в., т.е. позднее местных деревенских поселений примерно на одно-полтора столетия[130].

[124] *Татищев В.Н.* История Российская, т. II. С. 123.

[125] *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 253. Обычай заселять инородцами свои границы был распространен на Руси широко во все времена: Владимир Святой, например, заселил ими города по Роси (ПВЛ, ч. I. С. 83); в 1567 г. Иван Грозный населил Великие Луки татарами для береженья от литовской стороны (ПСРЛ, т. XIII. М., 1965. С. 408) и т. д.

[126] *Ляўданскі А.М.* Раскопкі і археалагічныя разведкі ў Барысаўскам павеце // Науковы зборнік Інстытута беларускае культуры. Мн., 1925.

[127] *Штыхаў Г.* Археалагічныя раскопкі ў Барысаве // Камуністычная праца, № 138. Борисов, 1968; ОАБ, ч. II. 1972. С. 92—93.

[128] *Штыхов Г.В.* Археология Полоцкой земли за 50 лет // Древности Белоруссии. Мн., 1969. С. 126.

[129] *Драгун Ю.И.* Раннеславянское поселение в нижнем течении р. Свислочь // БД. Мн., 1967. С. 422 и сл.

[130] *Драгун Ю.И.* Археологическое изучение детинца древней Орши // БГУ. Доклады научной конференции аспирантов и молодых ученых, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Мн., 1967.

*
* *

КАК ЖЕ РАСПРЕДЕЛЯЛИСЬ все названные волости между крупнейшими полоцкими феодалами-князьями? Здесь мы подходим к вопросу о запутанной генеалогии полоцких князей. Источники сообщают нам следующие имена сыновей Всеслава Полоцкого: Давыд (упомянут в статьях 1103, 1104, 1128 гг.— в последний раз как полоцкий князь), полоцкий князь Рогволод (1128 г.), Борис (1102 г.— сведения по летописным источникам В.Н.Татищева, 1128 г.— упомянут как полоцкий князь), Глеб (статьи 1104, 1108, 1116, 1117, 1119 гг.— везде упомянут как минский князь), Роман (умер в 1116 г.)[131]. Известны имена еще двух полоцких князей, сыновей Всеслава — Святослава и Ростислава. Старшими сыновьями прославленного князя были, по-видимому, Давыд, Борис и Глеб: именно их помянул в Иерусалиме Даниил Мних[132]. Полоцкого князя Давыда свергали полочане в 1128 г. и посадили на его место Рогволода, однако в 1128 г. сообщается о смерти не Рогволода, а Бориса. Остается предположить, что Рогволод имел крестное имя Борис. Это же подтверждает поздняя Густынская летопись, которая по неизвестным нам источникам прямо указывает: **... Рогволод или Борис**[133]; Борис был, очевидно, вторым сыном Всеслава, третьим был Глеб.

Какие же уделы получили сыновья Всеслава после смерти отца? Из летописи мы знаем, что Минским уделом безраздельно владел Глеб Всеславич. Мы установили, что Полоцкий, главнейший, удел получил старший сын Всеслава — Давыд. Фамильный удел Рогволода-Бориса определяется по княжению его сына и внука: под 1159 г. летопись сообщает, что его сын Рогволод

Рогволодов камень. Фото И.Ф. Чистякова, 1896 г.
«I[СУ]С Х[РИСТО]С НИКА (Победитель). В лето 6679 (1171) м[еся]ца маия в 7 д[е]нь доспен (устроен) крест сеи. Г[оспод]и, помози рабу своему Василию в крещении именем Рогволоду, с[ы]ну Борисову»

Борисович бежал из заточения в Минске и направился в Друцк, где его приняли как своего князя. Сюда же он бежал в 1161 г., бросив полоцкое княжение, после битвы под Городцом (**... а Полотьску не смѣ ити, зане же множѣство погибе полотчанъ**)[134]. Здесь в 1171 г. он же заказал знаменитую надпись на огромном камне, древнем дольмене (так называемый Рогволодов камень)[135].

[131] ПВЛ, ч. I. С. 183, 185, 187, 200—202; ПСРЛ, т. II, стб. 285, 292—293.

[132] Паломник Даниила Мниха. СПб., 1891. С. 67.

[133] ПСРЛ, т. II, изд. 1. СПб., 1843 (Густынская летопись). С. 293.

[134] ПСРЛ, т. II, изд. 2, стб. 493, 519.

[135] *Таранович В. П.* К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР // СА, т. VIII. М.-Л., 1946. С. 252, рис. 5.

Один из Борисовых камней. В центре проф. И.А. Шляпкин. Фото И.Ф. Чистякова, 1896 г.
«[IC] [XC] НИКА. Г[оспод]и, по(м)ози рабу своему Борисоу»

В Друцке княжил и его сын Глеб Рогволодич (1180 г.)[136]. Таким образом, по княжению сына и внука мы определяем, что Борис-Рогволод уже владел Друцком, получив этот удел, по-видимому, по смерти отца (1101 г.).

Перейдем к младшим сыновьям Всеслава Полоцкого, в отношении владений которых в науке также нет ясности. Под 1116 г. «Повесть временных лет» сообщает о смерти Романа Всеславича, его вдова упоминается в житии Евфросинии Полоцкой[137]. Под 1130 г. летописец сообщает о кривичских князьях Давиде, Ростиславе, Святославе и двух Рогволодичах (именно в этом порядке), которых киевский Мстислав **поточи Царюгороду за неслушанье ихъ**. В другом месте той же летописи узнаем, что сосланы они были с женами и детьми[138], а Лаврентьевская летопись уточняет имена Рогволодичей — Василий и Иван[139]. Итак, помимо трех старших сыновей у Всеслава было еще три младших сына — Роман, Ростислав и Святослав. Взаимное старшинство их неизвестно; можно полагать, что они владели тремя оставшимися уделами-волостями — Витебским, Лукомльским и, вероятно, Изяславльским. Для определения владений Романа данных нет: он умер слишком рано. Мало данных и для утверждения о владениях Ростислава-Георгия*. В рецензии на мою книгу польский историк Т. Василевский отож-

---

136 ПСРЛ, т. II, стб. 620.

137 ПВЛ, ч. 1. С. 201.

138 ПСРЛ, т. II, стб. 293, 304.

139 ПСРЛ, т. XXV. М., 1949. С. 31. См. также: *Насонов А.Н.* Московский свод 1479 г. и его русский источник // Проблемы источниковедения, т. IX. 1961. С. 373.

* По сложившейся традиции крестное имя Георгий обычно приписывают Святославу, хотя вполне вероятно, что оно могло принадлежать и Ростиславу. По мнению А. Мельникова, «...судьбы братьев были весьма схожи, а конкретных исторических сведений о них сохранилось очень мало, чтобы делать какие-либо окончательные выводы». (См. *Мельнікаў А.* «Жыціе» і жыццё Еўфрасінні, ігуменні Полацкай // Адраджэнне. Гіст. альм. Вып. 1. Мн. 1995. С. 10.) — *Примеч. ред.*

Иконка с изображением святых Константина и Елены. Стеатит, резьба, позолота. XII в. Размер 6,2 х 4,4 см. Полоцк, Верхний замок, слой начала XIII в. Раскопки Г.В. Штыхова, 1967 г. НПИКМЗ

действляет брата Евфросиньи Полоцкой Вячеслава с кокнесским князем Вячко, что позволило ему утверждать, что Ростислав Всеславич и его дочь Евфросиния Полоцкая были владельцами якобы Кокнессе[140]. Однако это невероятно. Т. Василевский забывает, что Евфросинья, судя по ее житию, постриглась в монахини еще при жизни Бориса Всеславича Полоцкого (умер в 1128 г.), родилась, следовательно, около 1120 г., в конце жизни удалилась со своим братом Вячеславом в Святую Землю, где и умерла в 1173 г. Вячко же действовал в начале XIII в. и был убит немцами при осаде Юрьева в 1224 г.[141] Он не мог быть братом полоцкой просветительницы, так как принадлежал к другому поколению полоцких князей.

Со Святославом Всеславичем несколько сложнее. В названной рецензии Т. Василевский прелагает считать этого князя владельцем Витебского удела и ссылается на княжение в Витебске его внуков Всеслава и Брячислава[142]. Мысль эта не нова и высказывалась в нашей дореволюционной литературе неоднократно[143]. Однако здесь встречается одно очень важное, на наш взгляд, осложнение, которое и не позволило мне в моей книге привести соображения о месте княжений Святослава: вторжение смоленских интересов в Витебскую волость. По сведению Густынской летописи, уже в 1116 г. Давыд Святославич и Ярополк Владимирович захватывали Витебск[144]. Если текст этой поздней летописи в данном месте запутан (Минск назван Смоленском, Глеб Всеславич — Глебом Святославичем и т. д.) и, может быть, не заслуживает доверия, то во вполне достоверном тексте Ипатьевской летописи под 1165 г. мы читаем: ...**томъ же лѣтѣ Давыдъ Ростиславич сѣде Витебски, а Романови, Вячиславлю внуку да Ростиславъ Васильев и Красн**[145]. Очевидно, что Витебск в этот момент был такой же княжеской вотчиной Смоленска, как Василев и Красн, и это княжение наряду с другими жаловалось Ростиславом Мстиславичем своим вассалам (сыновьям). Давыда Ростиславича мы застаем в Витебске и через два года. К нему туда бежал, спасаясь от Володаря Глебовича, полоцкий князь Всеслав Василькович[146]. Васильковичи утвердились в Витебске только с середины 70-х годов (1175 г.— Все-

---

[140] *Wasilewski T.* L.W. Alekseev. Polockaja zemija // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. R. XVI, № 2. Warszawa, 1968, str. 377.

[141] НПЛ. С. 61.

[142] Там же.

[143] См., например: *Пресняков А.* Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909. С. 118, прим. 4.

[144] ПСРЛ, т. II, изд. 1. С. 291.

[145] ПСРЛ, т. II, стб. 525.

[146] Там же, стб. 526—527.

Иконка с изображением св. Георгия. Стеатит, резьба. Византия, XI в. Размер 4,83 х 3,4 см. Полоцк, найдена на Верхнем замке в июле 1995 г. Публикуется впервые. НПИКМЗ

слав, 1180 г.— Брячислав)[147], т.е. через 42 года после изгнания полоцких князей в Византию.

Итак, в начале XII в. Витебск и его удел-волость находились во владении, по-видимому, одного из сыновей Всеслава Полоцкого — Романа, Святослава или Ростислава. После высылки князей в Византию (1130 г.) в Полоцкой земле оставалось, по-видимому, несколько второстепенных князей, среди которых история оставила нам имя одного — Василька Святославича, возведенного в 1132 г. по воле полочан на полоцкий стол. Был ли он до этого владельцем Витебского удела (и наследовал в этом случае его после ссылки отца), мы не знаем. Скорее — нет. По городам изгнанных были посажены ведь ставленники Мстислава Владимировича — **мужи свои**. Витебский удел, всего вероятнее, стал вотчиной-уделом Смоленска, почему мы и видим там в 1165 и 1167 гг., как мы говорили, сына смоленского князя. Сорокадвухлетний срок отпадения Витебска — слишком большое время, чтобы безоговорочно считать поставление Васильковичей туда их законным возвращением в отчину деда Святослава. За это время традиция, несомненно, могла быть и нарушена[148].

Период правления Василька Святославича в Полоцкой земле мало освещен источниками. Начавшиеся частые походы Мстислава Киевского на данников Полоцка — литовские племена (1129, 1131 гг.) — с вокняжением Василька прекратились. Ослабевший Полоцк был втянут в борьбу южнорусских князей на стороне противников Изяслава Мстиславича (1137 г.)[149], Однако слабому Полоцку отношения с Мономаховичами были выгодны. В следующем, 1138 г. Василько заигрывает с Всеволодом и Святополком Мстиславичами — новгородскими изгоями, проезжавшими через Полоцк в Псков (1138 г.). В 1138 г. полоцкие **вои** участвуют в походах Мономаховичей на Ольговичей[150].

Возвращение полоцких князей из Византии (летопись сообщила нам только о возвращении двух Рогволодичей — князей друцких в 1140 г., но вскоре на минском столе оказываются и минские Глебовичи, по-видимому также возвратившиеся)[151] создало острую ситуацию в Полоцкой земле и потребовало перераспределения уделов. Как это было осуществлено — нам неизвестно, но во всяком случае далеко не мирно.

---

147 ПСРЛ, т. II, стб. 598, 620—621.

148 *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 263—264.

149 НПЛ. С. 25, 210.

150 Псковские летописи, т. II. М., 1955. С. 76—77; ПСРЛ, т. I. стб. 305-306.

151 ПСРЛ, т. I, стб. 445—446.

К усобицам привлекались южнорусские княжеские группировки, что подкреплялось и матримониальными связями: Васильковна выдается замуж за сына Всеволода Ольговича, Рогволод Борисович женится на дочери Изяслава Мстиславича[152]. Сообщая о свержении с полоцкого стола в 1115 г. Рогволода Борисовича, летопись не указывает, когда этот князь, держащий сторону Мстиславичей и женатый, как мы сказали, на дочери Изяслава, сел на полоцкое княжение и сменил Василька. По-видимому, это произошло в 1146 г., что подтверждает, на наш взгляд, и Воскресенская летопись, которая относит к этому году вокняжение в Друцке Глеба **Рязанского** (это ошибка: в Друцке был свой Глеб Рогволодич, не имевший отношения к Рязани). Друцк получил князя Глеба в 1146 г., потому что его отец Рогволод был переведен в этом году своим тестем киевским Изяславом в Полоцк.

По каким-то источникам А.П. Сапунов считал, что в том же 1146 г. новый князь появился и в Минске: это был, мы знаем, Ростислав Глебович, сын Глеба Минского, умершего в 1119 г. в Киеве (не исключено, что это и был мифический Ростислав, которого считают сыном Всеслава, изгнанным в Византию, и о котором молчат наши летописи)[153]. Все сказанное подтверждает нашу мысль, что с вокняжением в Киеве Изяслава Мстиславича в 1146 г. в Полоцкой земле началось немедленное перераспределение столов: полоцкий стол получил возвратившийся из Византии Рогволод Борисович, друцкий стол занял его сын Глеб, а на минском княжении сел сын минского Глеба — Ростислав.

Распределение полоцких столов 1146 г. ненадолго примирило страсти полоцких князей. К тому же за время отсутствия полоцких князей в городах развилось новое явление — городское вече, с которым полоцкие князья уже не могли не считаться. Ряд косвенных факторов показывает, что Рогволоду не удалось установить контакта ни с полоцким вече, ни с полоцкой епископией[154]. Основной противник Рогволода минский князь Ростислав в 1149 г. получил неожиданно сильного союзника: им был новгород-северский Святослав Ольгович, который в этом году после победы коалиции Юрия Долгорукого над киевским Изяславом Мстиславичем и его братом смоленским Ростиславом получил владения Изяслава — Случеск, Клеческ и **вси дрегвичѣ**[155].

Усиление Ростислава Глебовича союзом со Святославом Ольговичем решило дело: «отцы города» — полочане — вошли в контакт с Ростиславом и, по-видимому, после каких-то переговоров с ним, в 1151 г., схватили полоцкого князя Рогволода и заточили его в Минске, где он содержался **у велицѣ нужи**[156]. В Полоцк вошел Ростислав Глебович, а к Святославу Ольговичу направилось специальное посольство с заверениями в верности. Судя по тексту летописи 1159 г., в 1151 г. в Полоцкой земле произошло новое перераспределение уделов: Друцк был отнят у сына Рогволода Борисовича Глеба и отдан сыну Ростислава Глебовича — также Глебу; кто-то, видимо, по уходе Ростислава в Полоцк наследовал и Минский удел (вероятно, Володарь Глебович).

Новая перемена столов последовала через 7 лет, в 1158 г. Летописец (информатор которого был в войсках Святос-

---

152 ПСРЛ, т. II, стб. 313—314.

153 Россия. Полное географическое описание... С. 413.

154 Подробнее об этом см.: *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 274 и сл.

155 ПСРЛ, т. II, стб. 384. Это место летописи ускользнуло от внимания Б.А. Рыбакова, поэтому невозможно согласиться с его заключением о том, что перед нами первый случай коммендации без территориальной связи... и т. д. (*Рыбаков Б.А.* Слово о полку Игореве и его современники. М., 1971. С. 126.).

156 ПСРЛ, т. II, стб. 445.

лава Ольговича)[157] образно рассказывает день за днем, как полочане, снова недовольные своим князем, стали приглашать Рогволода, бежавшего на этот раз из Минска в Слуцк, как он с помощью полка Святослава Ольговича (теперь настроившегося против минских Глебовичей) пробрался в свой фамильный Друцк и изгнал оттуда Глеба Ростиславича[158].

Чем же были недовольны полочане на этот раз? Обычно вопрос об этом не ставится по «неимению» данных. Однако в Ипатьевской летописи сохранился крайне ценный текст, который, как нам кажется, проливает свет на этот вопрос. Под 1158 г. (т.е. накануне изгнания из Полоцка Ростислава) там говорится: **Иде Изяславъ на Ярославича к Турову и с нимъ иде Ярославъ из Лучска и Андрѣевичь Ярополкъ и Галичьская помочь и Ростиславич Рюрикъ с Смолняны и Володимиръ Мстиславич тому, бо искаху Турова и полочане пришедше к Турову**[159] В этом тексте названы только полочане и ни слова не говорится о том, что они пришли со своим князем Ростиславом, как обо всех остальных отрядах.

Изгнание полоцкого князя, последовавшее немедленно за этим событием, показывает, что имя его отсутствует в летописи не случайно: между ним и полочанами уже существовали разногласия, поход на Туровскую землю, с которой минские князья (за исключением его отца) были обычно в союзе, был одним из пунктов этих разногласий (а может быть, и основной причиной), в результате которых Ростислав был полочанами свергнут и вынужден бежать в свой Минск, нанеся по дороге большой урон **волости полоцкой**[160].

Рогволод Борисович продержался на полоцком столе на этот раз всего только три года — до 1161 г. Вся его деятельность была направлена на борьбу с минскими Глебовичами. Он идет на Минск для освобождения схваченных неожиданно его сторонников — Володши и Брячислава — князя Изяславля, соседствующего с Минском, князья которого его и захватили. В следующем 1160 г. Ипатьевская летопись сообщает о походе Святослава Ольговича на Вщиж, принадлежавший Святославу Владимировичу. Ему сопутствует и **Всеслав из Полоцка** (вероятно, один из сыновей Рогволода, что подтверждает и Густынская летопись: ...**Всеслав Рогволодович с Полоцка**)[161].

Помощь Святославу Ольговичу в его военных мероприятиях была, видимо, условием, поставленным этим князем Рогволоду при договоре о содействии последнему. Рогволод Борисович заискивает и перед Ростиславом Мстиславичем, сына которого он сопровождает при бегстве из Новгорода через Полоцкую землю[162]. Под 1161 г. находим в летописи новое сообщение о походе Рогволода на Минск и о примирении его с Глебовичами, но, по-видимому, ненадолго (по крайней мере не со всеми Глебовичами).

Год 1161 был для Рогволода последним в его княжении в Полоцке. **Приходи Рогъволодъ на Володаря с полотчаны к Городцю**,— пишет летописец,— **Володарь же не да ему полку въ дне, но ночь выступи на нъ из города с Литвою и много зла створися в эту ночь: онѣхъ избиша, а другыя руками изоимаша, множьство паче изъбьенных. Рогъволодъ же вьбѣже въ Случьскъ и ту бывъ три дни иде въ Дрьютескъ а Полотьску нѣ смѣ ити, зане множьство погибе полотчанъ. Полотчане же посадиша в Полотьски Васильковича**[163].

С 1161 г. в истории Полоцкой земли начинается новый период — время

---

[157] *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 270—271.

[158] ПСРЛ, т. II. стб. 493 и сл.

[159] Там же, стб. 491.

[160] Там же, стб. 495—496.

[161] ПСРЛ, т. II, изд. 1. С. 306.

[162] ПСРЛ, т. II, стб. 511.

[163] Там же, стб. 511, 519.

правления витебских (?) Васильковичей. В Полоцк был приглашен, по-видимому, старейший из них — Всеслав Василькович, а в Витебске оказывается, как мы говорили, Давыд Ростиславич Смоленский. С победой Володаря усобицы в земле еще более обостряются: создаются две (первоначально даже три) коалиции князей. В 1166 г. Володарь захватывает даже Полоцк, гонится за Всеславом, бежавшим в Витебск к Давыду, однако по ложному слуху о приближении Романа Ростиславича Смоленского он, боясь окружения, снимает осаду города и двигается восвояси, а Давыд Витебский посылает (!) Всеслава в Полоцк[164]. Так смоленские князья начинают проникать в соседнюю Полотчину, подчиняя себе постепенно даже полоцкого князя. Однако долго это продолжаться не могло. Васильковичи ждали, по-видимому, только случая, чтобы избавиться от эгиды Смоленска. Случай представился лишь в 1180 г. Под этим годом летописец рисует такую картину: князь Ярослав Всеволодович и герой «Слова о полку Игореве» князь Игорь Святославич **сдумали** при помощи половцев напасть на Друцк. Было решено, что великий киевский князь Святослав Всеволодович, только что воевавший с суздальскими князьями, возвращаясь из Новгорода в Киев, повернет к Друцку и поддержит нападающих. К инициаторам похода должны были присоединиться Васильковичи — Всеслав из Полоцка и Брячислав из Витебска, а также Всеслав Микулич из Логожеска, Василько Брячиславич из Изяславля, Андрей Володшич (очевидно, сын некогда закованного минскими князьями Володши) и его **сыновец** (сын брата) Изяслав, **либь** и **литва**. В соответствии с выработанным планом все эти войска подошли к Друцку и ждали прихода Святослава Всеволодовича. Тем временем друцкий князь Глеб Рогволодич открыл ворота смоленскому Давыду, обещавшему защищать Друцк. Однако, узнав о приходе Святослава Всеволодовича, Давыд возвратился в Смоленск[165а].

Смысл всех этих событий был нами вскрыт в специальном исследовании о Полоцкой земле[165б]: в конце 70-х годов в северных княжествах земли (исключая, по-видимому, Минское) была достигнута какая-то консолидация — Полоцк и Витебск теперь находились в руках Васильковичей, с ними же в союзе (и от них, видимо, зависели) были князья других, более мелких вотчин — Изяславльской, Логойской и др. Только Друцк, попавший под влияние Смоленска, не подчинился Полоцку. Друцк контролировал путь по Друти, с его потерей не могли согласиться полоцкие князья, которые и пригласили на помощь южнорусских князей. Исход событий лишь подтверждает наши предположения: после бегства Давыда этот город не был подвергнут разграблению, больше того, его вообще не брали и только подожгли острог. Цель была достигнута: Друцк был снова присоединен к Полоцкой земле, нападающие удалились. Политическая история Полоцкой земли и история ее уделов-волостей в конце XII — первой половине XIII в. наименее ясна. Древнерусские летописи неожиданно замолкают, лишь незначительные сведения мелькают в новгородском летописании, но этого далеко недостаточно. Археологические раскопки Друцка и других городов земли показывают, что города в это время переживали период самого интенсивного строительства и вступили как бы в пору наибольшего процветания. По-видимому, это было результатом наивысшего подъема эпохи феодальной раздробленности, когда отдельные цен-

---

164 ПСРЛ, т. II, стб. 527.

165а Там же, стб. 620—621;

165б *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 280—282.

тры достигли максимальной самостоятельности. Основные сведения о Полоцкой земле этого периода мы черпаем из Хроники Генриха Латвийского, современника и участника событий со стороны немецкого Ордена[166]. К сожалению, его сообщения не всегда можно связать с предыдущими фактами, почерпнутыми из летописей русских.

Судя по Генриху, в конце XII в. на полоцком столе оказывается какой-то неизвестный нам князь Владимир (Володша Ипатьевской летописи, **окованный** в свое время минскими Глебовичами?). Князь этот назван сюзереном всего «королевства», что, возможно, косвенно указывает на перераспределение уделов при его возведении на полоцкий стол. Все устремления нового полоцкого правителя направлены теперь на борьбу с новым врагом — немецким Орденом, рыцари которого начали освоение, подвластных Полоцку, прибалтийских земель. Папа Климент III в булле к бременскому епископу прямо указывает, что новое епископство, расположенное в устье Западной Двины, основано на Руси[167]. Бременский архиепископ Гартвиг II в 1186 г. назначил каноника Мейнарда «епископом Икскюльским в Русии»[168]. В 1201—1207 гг. в устье Западной Двины была отстроена крепость Рига, ставшая позже главным оплотом борьбы Ордена с Полоцким княжеством и с Русью.

Как известно, в латышских землях Прибалтики располагались две небольшие княжеские волости — уделы Ерсике (Герцике) к востоку и Кокнессе (или Кукенойс) к западу. Естественно, устремления немецкого Ордена прежде всего были направлены на овладение Кокнессе. Еще в 1207 г. немцы угрожали Кокнессе и заставили его князя Вячку разделить с ними земли пополам[169]. Однако позднее, несмотря на договор и явную уступчивость этого князя, Орден продолжал свои нападения на город, и Вячко был вынужден его поджечь и бежать в Русь (1208 г.). Князя активно поддерживали данники его города лэтты и селы, для которых, видимо, дань русским была менее страшной, чем немецким крестоносцам, которая к тому же сопровождалась и идеологическим порабощением — насильственным крещением[170]. Настала очередь более восточного, как мы сказали, княжества — Ерсике. Город был взят и выдан снова его бежавшему князю в ленное владение, что, впрочем, не мешало последнему вести тайную войну с немцами и в качестве их ленника. Немцы окончательно захватили город в 1214 г.[171].

Во всех этих событиях нам неясна роль полоцкого князя Владимира, не поддержавшего своих вассалов — князей Кокнессе и Ерсике. Может быть, этому мешала та самая самостоятельность полоцких князей, о которой мы говорили выше: Владимир считал выгодным подавление этих непокорных князей чужими руками, надеясь потом своей силой вернуть отторгнутые провинции. Ясно только, что отношения Вячко и Всеволода с Полоцком были весьма напряженными: из обвинений, предъявленных Всеволоду Герцикскому, создается впечатление, что в Полоцке считали, что немцы защищают интересы Руси от посягательств Всеволода. Любопытно также, что при столкновении с немцами и Вячко не обращается в Полоцк, а стремится сам примириться с Орденом. Бежав из своих владений, Вячко направляется не к своему сюзерену в Полоцк, а едет на север, где садится на княжение в Юрьеве (Тарту) и

---

[166] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М.-Л., 1938.

[167] *Сапунов А.П.* Река Западная Двина. Витебск, 1893. С. 334.

[168] *Рамм Б.Я.* Папство и Русь. М.-Л., 1959. С. 97.

[169] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. С. 107—108.

[170] Там же. С. 116.

[171] Там же. С. 127—128, 164.

погибает от рук тех же крестоносцев (1224 г.). Как бы там ни было, но в начале второго десятилетия XIII в. прибалтийские волости Полоцка были потеряны — их узурпировали немцы, которых, правда, полоцким князьям удалось не пустить в свои коренные земли.

В 30—40-х годах XIII в. Полоцк слабеет все более. Если первые не дошедшие до нас договоры с Ригой (1210, 1212 гг.) были составлены еще в Полоцке от имени полоцкого князя и учитывали главным образом его интересы, а смоленские представители участвовали в них в качестве еще одной заинтересованной стороны[172], то в последующие десятилетия первенствующая роль переходит к Смоленску. Судя по дошедшему до нас договору 1229 г., этот город теперь гарантирует выполнение условий договора не только **... оу волости князя смоленского**, но и **...у полоцкого князя волости и оу витебского князя волости...**[173] и, следовательно, Полоцк становится подчиненным Смоленску, во всяком случае в экономическом отношении.

Однако вскоре положение меняется в корне. Политическая слабость Полоцкой земли в 30—40 годах XIII в. была использована экономически и политически крепнущим Литовским государством[174], постепенно захватившим всю его территорию. Нам трудно определить, как это произошло,— источников почти нет. К XIII в. Литва необычайно окрепла и стала внушительной силой. Если в начале века (1201 г.) полоцкие князья, по-видимому, еще держали ее в узде, то в последующие времена литовцы беспрестанно и беспрепятственно нападают на кокнесского князя Вячко[175], а ерсикский Всеволод, лишь породнившись с ними, покупает себе спокойствие[176]. Я. Длугош и М. Стрыйковский сообщают о походе литовцев в Полоцкую землю под 1216 г.[177] Позднее их войска мы видим уже за пределами Полотчины **около Торопца** (1223 г.), т.е. в Смоленской земле, **около Торжьку** (1225 г.), снова **около Торжьку и также Бѣжици** (1246 г.)[178]. Лишь изредка сообщается в наших источниках о полочанах, боровшихся теперь со Смоленском (1222, 1225 гг.). В 1258 г. полочане и Литва выступают против этого города уже совместно[179]. В эти годы, по-видимому, и произошло подчинение Полоцкой земли литовским феодалам. Под 1262 г. мы уже читаем о полоцком князе Товтивилле (литовского происхождения), павшем от рук убийц, подосланных Миндовгом, в следующем 1263 г. при дележе наследства (**распрѣвшася о товар...**)[180]. Полоцкая земля была уже частью наследства Миндовга. Так кончился древнерусский период истории Полоцкой земли.

---

[172] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. С. 136; *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. (Очерки...). С. 287—288.

[173] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963.

[174] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.

[175] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. С. 107, 108 и др.

[176] Там же. С. 161.

[177] *Данилевич В.Е.* Очерк истории... С. 131.

[178] НПЛ. С. 263, 269, 304.

[179] Там же. С. 263, 281 и 310. В 1222 г. Полоцк был даже взят смолянами (с. 263).

[180] Там же. С. 312.

Богданов В. П.
кандидат исторических наук

ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ

Имя Леонида Васильевича Алексеева занимает особое место в ряду отечественных исследователей. Его по праву можно назвать историком от археологии или археологом от истории. Он продолжатель традиций междисциплинарного подхода, которого придерживались Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, непосредственный учитель Л.В. Алексеева, Б.А. Рыбаков и другие видные российские ученые. Как и его блистательные педагоги, Л.В. Алексеев никогда не замыкался в рамках только исторической науки, впрочем, это качество объясняется еще и самой историей семьи Леонида Васильевича.

Л.В. Алексеев родился 15 января 1921 г. в семье потомственных интеллигентов. Родители его были музыкантами. Отец, Василий Михайлович Алексеев (1887–1922), внук чешского органиста Иосифа Краля, был композитором-теоретиком, учился в Лейпцигской консерватории, а в 1914–1922 гг. преподавал теорию композиции у Гнесиных. В 1918 г. он женился на своей ученице, Екатерине Ивановне Горожанкиной (1881–1973). Е.И. Горожанкина была дочерью известного русского ботаника, профессора Московского университета, Ивана Николаевича Горожанкина (1848–1904). Короткий период времени Василий Михайлович был профессором консерватории в Ростове-на-Дону, где семья спасалась от голода. Здесь и родился Л.В. Алексеев. Через год после рождения сына Василий Михайлович скончался от сыпного тифа. В судьбе осиротевшей семьи принимал активное участие М.Ф. Гнесин.

Благодаря своим родителям, Л.В. Алексеев пронес через всю жизнь любовь к музыке. Если бы не преданность истории, кто знает, может быть, он был бы известен как пианист или музыковед. Леонид Васильевич обладает редким (даже среди профессиональных исполнителей) качеством свободно импровизировать на рояле. Впрочем, музыкальной школы он так и не окончил: с детства он обожал серьезную музыку, а легкий детский репертуар только отбивал охоту учиться. Мать, Екатерина Ивановна, сама преподаватель музыки с многолетним стажем, была в отчаянии. Однако есть еще одно увлечение, которое также прошло через всю жизнь Л.В. Алексеева,– русская литература. Этой своей любовью он обязан сестре матери, Ольге Ивановне, в замужестве Арнольди. Общей своей эрудицией Леонид Васильевич обязан своей бабушке, Екатерине Иосифовне Краль-Алексеевой (1853–1931), матери отца, человеку очень образованному. Именно с ней в детстве Л.В. Алексеев проводил много времени. Однако ни музыка, ни литература, не смогли пересилить другой страсти – истории. В 1939 г. Л.В. Алексеев начал заниматься в кружке школьников при историческом музее. Здесь он познакомился со своей будущей женой, Натальей Владимировной Ширяевой (1922–2002). По окончании средней школы в 1940 г., Л.В. Алексеев поступил в Московское Государственное Театральное училище при Театре Революции (ныне им. В.В. Маяковского). Однако практика статиста в театре Моссовета навсегда отвратила его от сцены.

Лишь в сентябре 1941 г., когда уже шла Великая Отечественная война, Л.В. Алексеев стал студентом исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Из-за плохого зрения, Л.В. Алексеев не попал на фронт, но остался в Москве и осенью 1941 – зимой 1942 гг. служил в пожарной команде факультета. После Московской битвы, когда угроза, нависшая над столицей, миновала, он неоднократно снимался с учебы для работы на заводах. С 3-го курса Л.В. Алексеев стал специализироваться по кафедре археологии, которую и окончил в 1948 г. Его научным руководителем стал Б.А. Рыбаков, в 1949г. получивший Государственную премию за фундаментальный труд – «Ремесло древней Руси». Б.А. Рыбаков, крупный ученый, был представителем старинной русской интеллигентной семьи. Воспитание, любовь к литера-

туре, музыке, а также общие сферы научных интересов, предопределили близкие отношения между семьями Б.А. Рыбакова и Л.В. Алексеева на долгие десятилетия. В 1998 г. Б.А. Рыбаков сказал автору этих строк, тогда еще студенту 1-го курса истфака: «Л.В. Алексеев не только крупный ученый, но и настоящий друг».

По окончании университета Л.В. Алексеев, не принятый «из-за политической пассивности» в аспирантуру в Киеве, был распределен в Гродно главным хранителем фондов историко-археологического музея. Предстояло привести в порядок разоренные войной коллекции музея. С этого момента началось планомерное, систематическое изучение археологии и ранней истории Белоруссии, а навыки архивариуса Л.В. Алексееву очень помогли в дальнейшей исследовательской работе. Все бывавшие в его доме знают заветные каталожные ящики, где в алфавитном и тематическом порядке расставлены карточки, с указанием археологических находок (и местом их публикации), интересных иллюстраций, с выписками из книг, наименованием необходимой литературы и т.д. С поступлением в аспирантуру в 1950 г. Леонид Васильевич начал путешествовать по дорогам Белоруссии. В ходе этих разведок на карту наносились курганные группы и городища, что в будущем позволило проследить процесс заселения славянами этих территорий. Тут проявилось еще одно увлечение молодого исследователя – фотография. На старый немецкий «Nettar» были запечатлены не только археологические памятники, живописные пейзажи Белоруссии, но и живые типы, сами рассказчики, носители местных преданий о «могилах французов» (на самом деле славянских курганах), городищах, урочищах и т.д.

Дальнейшая судьба археолога Л.В. Алексеева кажется достаточно типичной: защита кандидатской («Полоцкая земля», 1955), затем докторской («Смоленская земля», 1982) диссертаций, путь от лаборанта до ведущего научного сотрудника в Институте Археологии РАН, публикация порядка 130 научных трудов. Однако за указанными вехами жизни Л.В. Алексеева лежит долгий путь творческих открытий, поисков, разочарований и радостей. Это и многолетние археологические раскопки: в Браславе (2 года), Друцке (9 лет), Мстиславле (16 лет), Ростиславле (2 года). Это и трудная эвристическая работа в архивах. Благодаря планомерному изучению архива Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР, ему удалось найти забытые уникальные негативы, запечатлевшие легендарный крест Евфросиньи Полоцкой. Заказанный полоцкой княжной в 1161 г. мастеру Лазарю Богше, крест бесследно исчез в 1941 г. На основе большого количества источников, при максимальной полноте археологического анализа и учета исторического контекста, была написана обстоятельная статья об этом замечательном русском мастере. Уже в 1990-е гг. найденные Леонидом Васильевичем негативы и проведенная им кропотливая исследовательская работа помогли воссоздать крест Евфросиньи Полоцкой белорусским мастером Н.П. Кузьмичом.

Благодаря приверженности исследовательским традициям Б.А. Рыбакова, бывшего сторонником широкого синтеза наук, Л.В. Алексеевым был сделан ряд интересных наблюдений и важных открытий. Так в распространении топонимов «Бор», «Борок» он увидит следы исчезнувших древних лесов, а вместе с тем – и границы древнейших славянских поселений. Названия «Бряслов», «Браславо», «Браславль» в Белоруссии, по мнению ученого, связаны с пограничными укреплениями, отстроенными полоцким князем Брячиславом, наименования «Межа», «Межник», «Рубеж» – с древними границами полоцкого княжества. Все это окажется подкреплено археологическими данными. При изучении Смоленской земли Л.В. Алексеев заново рассмотрел комплекс грамот смоленской епископии 1146 – начала XIII в., провел самостоятельное источниковедческое исследование. Благодаря комплексному методу, основанному, в первую очередь на археологическом материале, был по-новому рассмотрен весь узел таких проблем истории западнорусских земель, как норманнское влияние, местоположение древнего Смоленска (Л.В. Алексеев убедительно доказывает, что это – современное Гнёздово), взаимоотношение полоцких и смоленских князей и их связи с Киевом и т.д. И рядом фотографии, сделанные самим автором, запечатлевшие древние городища Лукомля и Друцка, детали кладок сохранившихся полоцких храмов и фундаменты древних церквей.

Для всех научных работ Л.В. Алексеева характерна тщательная историографическая проработка проблемы. Недаром третье большое исследование было напрямую посвящено этим сюжетам (Археология и краеведение Беларуси XVI–XX вв. Мн., 1996). Глубокое знание литературы, опыт плодотворной архивной и музейной работы позволили Л.В. Алексееву на материале археологического изучения западнорусских земель представить развитие исторической науки. Можно сказать шире: через судьбы деятелей науки, занимавшихся изучением прошлого России,– показать развитие самосознания народа.

Однако параллельно с полновесными научными трудами создавались и популярные книги: «По Западной Двине и Днепру в Белоруссии» (М., 1974), «Гродна і памятнікі Панямоння» (Мн., 1996). А написанием популярных книг может похвастаться не каждый профессиональный исследователь! Любовь к русской классической литературе, и вообще к девятнадцатому веку, привели к опубликованию популярной статьи «Гоголевская Беларусь» (журнал «Полымя», №12 за 1971 г.).

Следуя традициям семьи, Л.В. Алексеев с большим интересом относится к ее истории. Следствием этого «увлечения», которое уместнее было бы назвать семейным долгом, стало написание книг о деде, И.Н. Горожанкине («Иван Николаевич Горожанкин». М., 1998 (в соавт.)), его ученике и зяте В.М. Арнольди («Владимир Митрофанович Арнольди». М., 2001). Три статьи Л.В. Алексеев посвятил своему отцу, композитору В.М. Алексееву, и добился исполнения его фортепьянных произведений (М.А. Аркадьевым и Кондинским). Знакомым Леонида Васильевича известно его долгое сопротивление появлению в доме телевизора. Вместо обычных для большинства людей вечерних просмотров, Л.В. Алексеев писал воспоминания о своих родственниках, учителях, о старой Москве и т.д.

Говоря о Л.В. Алексееве как об ученом, нельзя не сказать нескольких слов о нем как о человеке. Его отличает удивительная демократичность в общении и живейший интерес к людям разного возраста, различных социальных слоев. От Леонида Васильевича можно услышать рассказы о Б.А. Рыбакове, Н.Н. Воронине и других крупных деятелях русской науки и культуры, с которыми ему посчастливилось общаться, и одновременно о белорусских крестьянах, показывавших ему курганы, и о жене кучера Ф.И. Шаляпина, у которой удалось приобрести старинный самовар и т.д. В традициях русской интеллигенции XIX – начала XX вв., дом Леонида Васильевича и его жены, верного друга и соратницы по науке, всегда привлекал людей. Сюда приходили музыканты, литераторы, ученые (и не только историки). В 1990-е гг. сюда пришли Сергей Басукинский (молодой и очень перспективный пианист), Александр Рукавишников (ныне кандидат исторических наук) и др.

Вышедший недавно двухтомный труд (Западные земли домногольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. М., 2006) – лучшая характеристика Леонида Васильевича как незаурядного ученого и добросовестного, упорного и целеустремленного человека.

ПЕРЕЧЕНЬ
ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Л.В. АЛЕКСЕЕВА

1. Аб чым расказвае «Замкавая гара» // Гродзенская праўда. 8 чэрв. 1949.
2. Три пряслица с надписями из Белоруссии // КСИИМК. 1955. Вып. 57. С. 129–32.
3. Полоцкая земля в IX–XIII вв. Автореф. дис. на соиск. степ. канд. ист. наук. М., 1955. С. 1–15.
4. Лазарь Богша – мастер-ювелир XII в. // СА. 1957. №3. С. 224–244.
5. О работе сектора славяно-русской археологии в 1956 г. // КСИИМК. 1958. Вып. 72. С. 117–120.
6. Еще три шиферных пряслица с надписями // СА. 1959. №2. С. 243–244.
7. Научные связи польских и российских археологов // Вестн. Акад. наук. 1959. Вып. 6. С. 107–110.
8. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины // Труды ПОКЭ. Т. I. М., 1959. С. 273–315.
9. Раскопки древнего Браслава // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 95–106.
10. О работе сектора славяно-русской археологии в 1958 г. // КСИА. 1962. Вып. 81. С. 125–130.
11. О работе сектора славяно-русской археологии в 1959 г. // КСИА. 1962. Вып. 87. С. 118–122.
12. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии // СА. 1962. № 4. С.197–209.
13. На Замкавай гары // Маладосць. № 1. Мн., 1962.
14. Городище «Девичья Гора» в Мстиславле // КСИА. 1963. Вып. 94. С. 73–79.
15. Владимир Голубович (некролог) // СА.1964. №1. С.362.
16. Друцк // Сов. ист. энцикл. Т. 5.М., 1964. С. 388–389.
17. К истории и топографии древнейшего Витебска // СА. 1964. №1. С. 99–111.
18. А.Н. Лявданский // Сов. ист. энцикл. Т.8. М., 1965.С. 864.
19. Киевская Русь // Сов. ист. энцикл. Т. 7. М., 1965. С. 218–228 (в соавт. с Б.А. Рыбаковым).
20. Киевское восстание 1068 г. // Сов. ист. энцикл. Т. 7. М., 1965. С. 232 – 233.
21. Киевское восстание 1113 г. // Сов. ист. энцикл. Т. 7. М., 1965. С. 233.
22. История белорусской археологии // Древности Белоруссии. Мн., 1966. С. 236–237.
23. Некоторые вопросы исторической географии Северной Белоруссии // Древности Белоруссии. Мн., 1966. С. 257–258.
24. Некоторые вопросы исторической географии Северной Белоруссии в раннесредневековое время // Пленум Ин-та археологии АН СССР. 1966. Тез. докл. М., 1966. С. 1–3.
25. Полоцкая земля. (Очерки истории Северной Белоруссии IX–XIII вв.). М., 1966. 295 с.
26. Раскопки в Друцке // АО 1965 г. 1966. С.168–169.
27. Очерк истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения до 60-х годов XIX в. // СА. 1967. № 4.
28. История СССР (главы по Прибалтике). Т. I. М., 1968. С. 315–320, 464–468.
29. Барыс Рыбакоў // Полымя. 1968. № 2. С. 236–238.
30. Белорусская археология и историческое краеведение в XIX – начале XX в. // СА. 1968. №3. С. 85–100.
31. К 60-летию Б.А. Рыбакова // СА. 1968. №2. С.111–117.
32. О распространении топонимов «Межа» и «Рубеж» в Восточной Европе // Славяне и Русь. К 60-летию Б.А. Рыбакова. М., 1968. С. 245–250.
33. О работах в древнем Друцке и его округе // АО 1967 г. 1968. С. 236.
34. Рец.: Э.М. Загорульский «Археология Белоруссии». Мн., 1965 // СА. 1968. № 3. С. 291–296 (в соавт. с О.Н. Мельниковской).
35. Вяртаючы народу мінулыя стагоддзі... // Полымя. 1969. № 12. С. 189–200.
36. Крыж Еўфрасінні Полацкай // Маладосць. 1969. № 7. С. 143–148.
37. Работы в Мстиславле, Рославле и в окрестностях Друцка // АО 1969 г. 1970. С. 307–308.
38. Віцебску – тысяча год // Віцебскі рабочы, 24 июня 1970.
39. Раскопки древнего Рославля и разведки в Смоленской земле // АО 1970 г.. 1971. С. 79–80 (в соавт. с З.М. Сергеевой).
40. Старажытны Мсціслаў // ПГКБ, №1. Мн., 1971. С.25–31.
41. Гогалеўская Беларусь. Па забытых і неапублікаваных матэрыялах // Полымя. 1971. №12. С. 203–214.

42. Калі быў заснаваны Віцебск // ПГКБ, №2. Мн., 1972. С. 79
43. Віцебская даўніна // Маладосць. 1972. № 12. С.143–49.
44. Грамота Ростислава Мстиславича Смоленского 1136 г. в свете данных археологии // БС. 1972. С.185–189.
45. Исследования в Смоленской земле // АО 1971 г. 1972. С.107.
46. Исследования в древней Смоленщине // АО 1972 г. 1973. С. 49–50.
47. Раскопки курганов в Восточной Белоруссии // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 49–55 (в соавт. с З.М. Сергеевой).
48. Старажытны Друцк // ПГКБ №3. Мн., 1973. С.16–23.
49. Древний Ростиславль // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 81–92.
50. [Исторический комментарий] // Обухова Л.А. Витбичи. Мн., 1974.
51. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель: (кресты и иконки Белоруссии) // СА. 1974. №3. С. 204–219.
52. «Оковский лес» Повести временных лет // Культура средневековой Руси: посвящ. 70-летию М.К. Каргера. Л., 1974. С. 5–1.
53. По Западной Двине и Днепру в Белоруссии. М., 1974. (Дороги к прекрасному).
54. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли // Slowiane w dzicjach Europy. (К 70-летию академика Г. Ловмяньского). Poznań, 1974. S. 85–113.
55. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 202–239.
56. Домен Ростислава Смоленского // Средневековая Русь: памяти Н.Н. Воронина. М., 1976. С. 53–59.
57. Древний Мстиславль // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 44–52.
58. Новые раскопки в Мстиславле // АО 1976. 1977. С. 399.
59. О древнем Смоленске. (К проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // СА. 1977. № 1. С. 83–103.
60. Раскопки древнего Мстиславля // Наука и жизнь. 1977. № 4. С. 65.
61. Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель в IX–XIII вв. // Древняя Русь и славяне (к 70-летию Б.А. Рыбакова). М., 1978. С.23–30.
62. Старажытны Браслаў // ПГКБ № 4. Мн., 1978. С. 37–40.
63. Археалогія, нумізматыка і геральдыка Беларусі. Мн., 1979 (у сааўт. з У.У. Багамольнікавым, У. Дз. Будзько і інш.). 196 с.
64. Выдатны археолаг і краязнаўца // Полымя. 1979. №9.
65. Периферийные центры домонгольской Смоленщины // СА. 1979. № 4. С. 95–111.
66. Новые книги по археологии белорусских городов (Рец.: Лысенко П.Ф. Города Туровской земли. Мн., 1974; Штыхов Г.В. Древний Полоцк. Мн., 1975; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. Мн., 1975) // СА. 1980. № 2. С. 269–274.
67. Проблема возникновения городов в свете демографии домонгольской Руси // Тез. докл. на IV конгр. слав. археологии. София, 1980. С. 31–32.
68. Раскопки в Мстиславле // АО 1979 г. 1980. С. 357–358.
69. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. 258 с.
70. Таленавіты даследчык Беларусі // ПГКБ, № 1. Мн., 1980. С. 12–14 (о А.М. Сементовском).
71. Исследования Мстиславля // АО 1980 г. 1981. С. 330–331.
72. Берасцяная грамата // ПГКБ. №2. Мн., 1982. С.36–39.
73. Берестяная грамота из древнего Мстиславля // СА. 1983. №1. С. 204–213.
74. Иван Николаевич Горожанкин в университете и в жизни // Вопр. истории, естествознания и техники. 1984. №4. С. 112–119.
75. Пачатак вывучэння помнікаў // ПГКБ. № 4. Мн., 1984. С. 32–33.
76. Старажытныя жыхары Беларусі аб сваіх помніках даўніны // ПГКБ. № 4. Мн., 1985. С. 30 – 32.
77. Работы в древнем Мстиславле // АО 1983 г. 1985. С. 380–381.
78. Смоленский город Мстиславль: стратиграфия, хронология, топография // Тез. докл. сов. делегации на V междунар. конгр. слав. археологии. Киев, 1985.
79. Комплексное изучение Мстиславля и его округи // АО 1984 г. 1986. С. 336 – 337 (в соавт. с О.А. Трусовым и др.).
80. Три альбома-каталога по искусству Белоруссии XII–XVIII вв. (Рец.: Высоцкая Н.Ф. Жывапіс Беларусі XII–XVIII ст.ст. Фрэска, абраз, партрэт. Мн., 1980; Высоцкая Н.Ф. Пластыка Беларусі XII–XVIII ст.ст. Мн., 1983; Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва Беларусі XII–XVIII ст.ст. Мн., 1984) // СА. 1986. № 3. С. 272–280.
81. Капитальное исследование по начальной истории Минска (Рец.: Загорульский Э.М. Возникновение Минска. Мн., 1982) // СА. 1987. № 2. С. 265–273.
82. Раскопки в Мстиславле // АО 1985. 1987. С.444 – 445.
83. Из истории формирования южных феодальных центров Полоцокой земли. Минск и Друцк // К 1125-летию Полоцка. Конференция «История и археология Полоцка и Полоцкой земли». Полоцк. 1987. С. 3– 5.
84. Горад на Друці // Памяць: гіст.-дак. хроніка Талачынскага раёна. Мн., 1988. С. 34–40.
85. Першы беларускі антраполаг // ПГКБ. № 1. Мн., 1988 (в соавт. с Н.В. Ширяевой; о К.Н. Икове).

86. Игнатий Кульчинский – первоисследователь белорусских древностей // Древности славян и Руси: к 80-летию Б.А. Рыбакова. М., 1988. С. 100–105.
87. Воспитанница Московского археологического института – первый смоленский археолог Е.Н. Клетнова (1869 – после 1925) // Уваровские чтения. Муром, 1990. С. 9–11.
88. Кто был автором «Приглашения» барона И.Г. Аша» (1819 г.)? (О первой периферийной инструкции собирания древностей) // СА. 1990. №1. С. 283–287.
89. Судьбы археологии и исторического краеведения Белоруссии и Смоленщины в 20–30-х гг. XX в. // СА. 1990. № 4. С. 241–262.
90. Е.Н. Клетнова – один из первых смоленских археологов // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 121–136.
91. Е.Ф. Канкрин и история открытия «Борисовых камней» в Белоруссии // СА. 1991. № 2. С 256–265.
92. Последний лекционный курс Василия Алексеевича Городцова // Проблемы древних культур Евразии. М., 1991. С. 223–227.
93. Двенадцатый археологический съезд в Харькове // РА. 1992. №4. С. 196–198.
94. Першы даследчык надпісаў на беларусскіх каменях (пасляслоўе навуковага рэдактара) // Ляўкоў Э. А. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны / Рэд. докт. гіст. навук Л.В. Аляксееў. Мн., 1992. С. 207–213.
95. Крест Евфросинии Полоцкой 1161 г. в средневековье и в позднейшие времена (к 830-летию знаменитой реликвии) // РА. 1993. № 2. С. 70–78.
96. Проблема становления культово-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле (Белоруссия) // РА.1993. №4. С. 217–238.
97. Судьба Виленского музея древностей // Вопр. истории. 1993. № 4. С. 160–163.
98. Памяти Михаила Александровича Ткачева // РА. 1994. № 3. С. 250 – 252 (в соавт. с Л.В. Колединским и А.А. Метельским).
99. Три научные конференции в Беларуси (1991–1992) // РА. 1994. №1. С. 235–239.
100. Древний Мстиславль в свете археологии // ГАЗ. № 6. 1995. С. 118 –182.
101. Преподобная Евфросиния Полоцкая: Жизнь, деятельность, судьба // Весн. Беларус. Экзархата. 1995. № 1. С. 33–48.
102. Мстиславльский детинец XII–XIV вв. // РА. 1995. № 3. С. 60–76.
103. Археология и краеведение Беларуси: XVI в. – 30-е гг. XX в. Мн., 1996. 206 с.
104. Мікалай Мікалаевіч Улащык // Беларускі гістарычны агляд. Т.3. Сшытак 1. Мн., травень1996. С. 107–109.
105. Гродна і помнікі Панямоння. Мн., 1996. 191 с.
106. Домонгольская архитектура Полоцкой земли в историческом осмыслении // РА. 1996. № 2. С. 96–110.
107. Крест – хранитель всея вселенныя: история создания и воссоздания Креста преподобной Евфросинии, игумении Полоцкой. Мн., 1996.– (Спецвыпуск журнала «Вестник Белорусского Экзархата», №15 (1`96)) (в соавт. с Т.Н. Макаровой и Н.П. Кузмичом).
108. «Менскія дрыгавічы» і полацкія князі // Беларускі гістарычны часопіс. 1996. №4. С. 80–87.
109. Археология средневекового периода в Белоруссии (1950 –1990) // РА. 1998. № 3. С. 176–190.
110. Воспоминания старожила: К возрождению Храма Христа Спасителя в Москве // Журн. Московской Патриархии. 1998. № 1. С. 36–39.
111. Иван Николаевич Горожанкин (1848–1904). К 150-летию со дня рождения. М., 1998. (в соавт. с Е.В. Калесник). 206 с.
112. Изучение древностей в дореформенной Смоленщине // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2. М., 1998. С. 63–84.
113. Путь сквозь века // Крест – красота Церкви. Мн., 1998. (Наши духовные ценности. Вып. 4). С.17– 44.
114. «Менские дреговичи» и полоцкие князья // РА. 1998. № 2. С. 100–111.
115. «Меньск» и Минск: к начальной истории белорусской столицы // Культура славян и Русь (к 90-летию Б.А. Рыбакова). М., 1998. С. 375–392.
116. Минск и Друцк // Славяне и их соседи: к 70-летию Э.М. Загорульского. Мн., 1998. С. 10–19.
117. Княжеское строительство полоцких князей XI–XII вв. // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі (матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі, 21–23 красавіка 1997 г.). Полацк. 1997. С. 8–20.
118. Грустная судьба таланта // Муз. Академия. 1999. №3. С.180–182.
119. Детинец Мстиславля в XIV–XVII вв. // РА. 2000. №2. С. 94–114.
120. Владимир Митрофанович Арнольди. М., 2001.
121. Древний Друцк. (Письменные источники, топография, время возникновения): к празднованию тысячелетия Друцка // РА. 2002. №1.
122. Друцк в XII–XVI вв. (Общие вопросы истории памятника) // РА. 2002. №2.
123. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. В 2 кн. М. 2006.
124. Москва моего детства // Московский архив. Ист.-краеведческий альм. М., 2006. С. 253–285.
125. Мои школы // Московский архив. Ист.-краеведческий альм. М., 2006. С. 429–466.

СОДЕРЖАНИЕ

СХЕМЫ

Научно-популярное издание

Наследие Полоцкой земли

Выпуск 5

***Алексеев** Леонид Васильевич*

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Редактор А.И. Судник
Корректор Н.Н. Гарбалева

Подписано в печать 17.05.2007 г. Формат 70x100/16. Бумага «Union Art». Гарнитура «Балтика С» Печать офсетная. Усл.печ.л. 4,19. Уч.-изд.л. 4,09. Тираж 1500 экз. Заказ № 549-07.

Издатель ИП Судник Александр Иванович. ЛИ №02330/0056962 от 01.04.2004. 211413, г. Полоцк, ул. М. Богдановича, 4/5. Тел./факс: 8(0214) 41-76-25. E-mail: alex_sudnik@mail.ru

Отпечатано в ООО «Ольден». ЛП 02330/0131513 от 02.05.2005 г. 220089, г. Минск, ул. Железнодорожная, 27, к.2, к. 225.